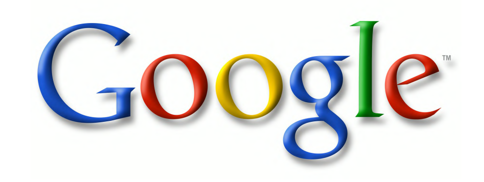
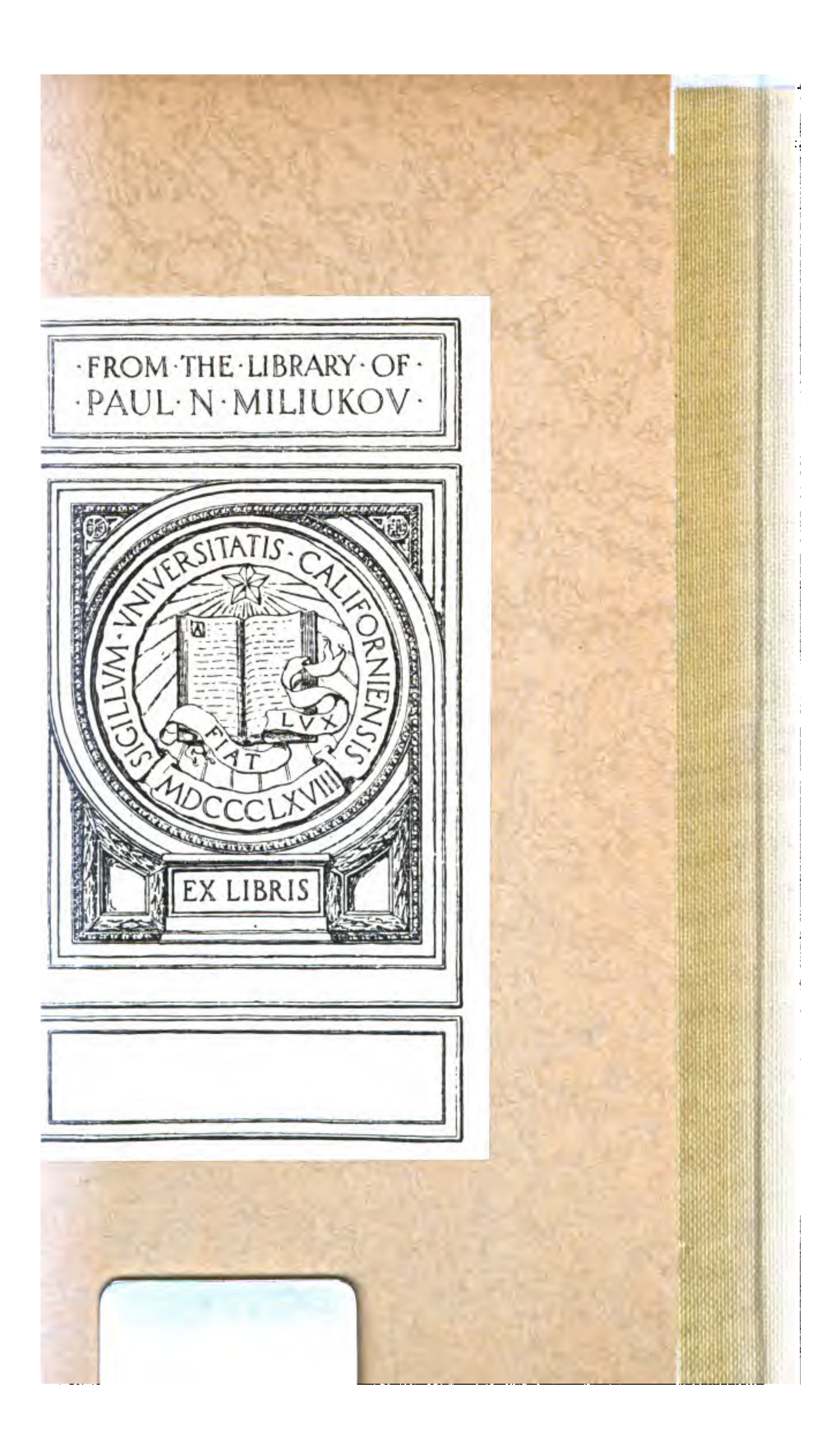

UC-NRLF
$B 194 644

· FROM · THE · LIBRARY · OF ·
· PAUL · N · MILIUKOV ·
SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

П. А. КРАПОТКИНЪ.

ТЮРЬМЫ, ССЫЛКА И КАТОРГА ВЪ РОССІИ.

рналъ The 19 th Century, Янв. 1883, Мартъ 1884.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ВЛ. КАУФМАНА.

ѢНА 15 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Kropotkin

П. А. КРАПОТКИНЪ.

ТЮРЬМЫ, ССЫЛКА И КАТОРГА ВЪ РОССІИ.

Журналъ The 19 th Century, Янв. 1883, Мартъ 1884.

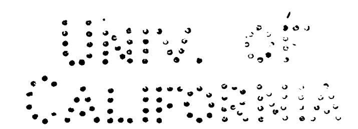
ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ВЛ. КАУФМАНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1906.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Мильштейна, Нижегородская, № 31.
1906.

ↄ𝔄

Русскія тюрьмы.

Въ Европѣ почти единогласно признано, что всѣ наши карательныя учрежденія далеко не таковы, какими они должны были бы быть, и что въ сущности каждое изъ нихъ является осязательнымъ противорѣчіемъ современной теоріи обращенія съ преступниками. Начало lex talionis,—права общества мстить за себя преступнику,—больше недопустимо. Мы пришли къ тому убѣжденію, что за пороки, народившіеся въ обществѣ, въ общемъ отвѣтствуетъ оно само, точно также, какъ оно имѣетъ свою долю въ славѣ своихъ героевъ; и мы обыкновенно допускаемъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, что лишая преступника свободы, мы дѣлаемъ это съ цѣлью очистить и исправить его. Но намъ извѣстно, въ какомъ отвратительномъ противорѣчіи съ идеаломъ находится дѣйствительность. Убійца просто предается въ руки палача; а человѣкъ, котораго запираютъ въ тюрьму, не только далеко не исправляется отъ перемѣны образа жизни, но выходитъ изъ заключенія еще болѣе упорнымъ врагомъ общества, чѣмъ былъ при входѣ въ тюрьму. Принужденіе къ унизительному труду въ позорящихъ условіяхъ внушаетъ ему отвращеніе ко всякой работѣ. Испытавъ всѣ униженія, какія только могутъ быть, по настоянію тѣхъ, кто проводитъ жизнь въ сторонѣ отъ

особыхъ условій, толкающихъ человѣка на преступленіе,— или на наказуемые закономъ виды его, — онъ научается ненавидѣть тотъ классъ общества, который его унижаетъ, и его ненависть выражается въ новыхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ обществу. А если западноевропейскимъ карательнымъ учрежденіямъ такимъ образомъ совершенно не удается осуществить стремленія, которыми они оправдываютъ свое существованіе, то что сказать о карательныхъ учрежденіяхъ Россіи? Невѣроятная продолжительность предварительнаго заключенія; ужасныя условія тюремной жизни; скопленіе сотенъ заключенныхъ въ грязныхъ и тѣсныхъ камерахъ; вопіющая безнравственность тюремщиковъ, на дѣлѣ всемогущихъ, вся обязанность которыхъ заключается въ запугиваніи и угнетеніи, и которые крадутъ у ввѣренныхъ ихъ попеченію людей скудные гроши, удѣляемые имъ государствомъ; отсутствіе работы и полный недостатокъ всего, что нужно человѣку для сохраненія душевнаго равновѣсія; циническое пренебреженіе къ человѣческому достоинству и физическій упадокъ заключенныхъ,—таковы черты тюремной жизни въ Россіи. Не то, чтобы принципы русскихъ карательныхъ учрежденій были хуже, чѣмъ принципы, примѣняемые къ тѣмъ же учрежденіямъ въ Зап. Европѣ. Я скорѣе склоненъ думать обратное. Для осужденнаго, безусловно, менѣе унизительно исполнять полезныя работы въ Сибири, чѣмъ проводить жизнь, суча бичевки или карабкаясь по ступенькамъ колеса; и если выбирать изъ двухъ золъ меньшее, то гуманнѣе сдѣлать изъ убійцы землекопа на золотыхъ розсыпяхъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ превратить его въ свободнаго поселенца, чѣмъ спокойно предать его въ руки палача. Въ Россіи, однако, эти идеи на практикѣ постоянно извращаются. И если смотрѣть на русскія тюрьмы и кара-

тельныя поселенія не съ точки зрѣнія того, чѣмъ они должны были бы быть по закону, а такъ, какъ они представляются въ дѣйствительности, то нельзя не признать, вмѣстѣ со всѣми лучшими русскими изслѣдователями нашихъ тюремъ, что послѣднія являются нарушеніемъ требованій человѣчности.

Въ послѣднее время [1]) въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ было сдѣлано нѣсколько попытокъ представить русскія тюрьмы въ очень свѣтлыхъ краскахъ. Лучшія изъ нихъ принадлежатъ Лэндсделю въ Англіи и Кенану въ Америкѣ. Г-нъ Кенанъ счелъ, что его пребываніе въ качествѣ служащаго Оверлэндской телеграфной компаніи на берегахъ Охотскаго моря,—приблизительно въ какихъ-нибудь нѣсколькихъ тысячахъ верстъ отъ карательныхъ учрежденій Сибири,—даетъ ему основаніе авторитетно разсказывать о сибирскихъ тюрьмахъ и заключенныхъ въ нихъ. Что удивительнаго, что его свѣдѣнія рѣшительно опровергаются тѣми русскими, которые основательно изучали жизнь заключенныхъ въ Сибири? О г-нѣ Лэндсделлѣ должно сказать нѣсколько больше. Онъ видѣлъ сибирскія тюрьмы. Превзойдя быстротой почту, онъ пересѣкъ страну, гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, со скоростью 9,500 верстъ въ 75 дней; а въ частности онъ за 14 часовъ успѣлъ позавтракать, пообѣдать, проѣхать слишкомъ 60 верстъ и посѣтить три главныхъ сибирскихъ тюрьмы—въ Тобольскѣ, на Александровскомъ заводѣ и на Карѣ. Въ изобиліи запасшись оффиціальными рекомендаціями, онъ за это короткое время видѣлъ ровно столько, сколько захотѣло ему показать начальство, а для такой страны, какъ Сибирь, это безусловно очень много. Будь у него сколько-нибудь способностей къ

[1]) Писано въ 1883-мъ году.

критикѣ, составляющихъ главное достоинство путешественника, онъ въ состояніи былъ бы оцѣнить сравнительную цѣнность свѣдѣній, собранныхъ имъ втеченіе его оффиціальной скачки по сибирскимъ тюрьмамъ, и книга его, особенно еслибы онъ принялъ въ соображеніе имѣющуюся по этому предмету русскую литературу, могла-бы быть книгой полезной. Къ несчастью, онъ ничего не видалъ и не читалъ, и его книга, по крайней мѣрѣ поскольку она касается тюремъ и заключенныхъ, можетъ только породить неправильныя представленія. Въ виду этого я полагаю, что настоящая статья можетъ оказаться интересной. Свѣдѣнія, которыя въ ней содержатся, суть по крайней мѣрѣ подлинныя, такъ какъ взяты не только изъ книгъ, но и изъ личнаго опыта тюремной жизни, моего собственнаго и нѣкоторыхъ моихъ друзей.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ результатовъ либеральнаго движенія 1857—1862 гг. были судебныя реформы. Со старыми судами, гдѣ все дѣлопроизводство было письменное, было покончено, и былъ снова введенъ исчезнувшій благодаря деспотизму московскихъ царей судъ присяжныхъ. Новый уставъ о судопроизводствѣ, обнародованный въ 1864 г., считался несомнѣнно самымъ либеральнымъ и гуманнымъ въ Европѣ. Около того-же времени отмѣнено было наказаніе кнутомъ и клеймленіе желѣзомъ. И пора было. Общественное мнѣніе было возмущено существованіемъ этихъ постыдныхъ орудій, а оно въ то время было такъ могущественно, что губернаторы отказывали въ утвержденіи приговоровъ, сопряженныхъ съ употребленіемъ этихъ орудій, а другіе, какъ мнѣ случалось наблюдать въ Сибири, давали понять палачу, что если онъ при исполненіи своихъ обязанностей (искусства весьма распространеннаго и въ высокой степени выгоднаго) не обратитъ

послѣднихъ въ простую комедію, то онъ „поплатится за то собственной шкурой“. Но, подобно всѣмъ остальнымъ реформамъ прошлаго царствованія, благіе результаты судебныхъ реформъ были искажены послѣдовавшими измѣненіями. Реформа не была сдѣлана всеобщей, и въ 39 губерніяхъ изъ 72-хъ были сохранены еще старые суды. Такъ, напр., они дѣйствуютъ во всей Сибири; а каждый изъ нихъ представляетъ гнѣздо необузданнаго лихоимства. Затѣмъ, сохранено было старое уголовное уложеніе, съ лѣстницей наказаній, совершенно несоотвѣтствующей современному состоянію нашихъ тюремъ, а послѣдующія правила совершенно измѣнили смыслъ судебныхъ уставовъ 1864 г. Я только выскажу то, что постоянно повторяется въ русской прессѣ, если скажу, что слѣдователи никогда не пользовались той самостоятельностью, которую даютъ имъ новые уставы; что судьи стали попадать все въ большую и большую зависимость отъ министра юстиціи, который ихъ назначаетъ и имѣетъ право переводить ихъ изъ одной губерніи въ другую; что институтъ присяжныхъ повѣренныхъ, не подвергаясь критикѣ, пришелъ въ совершенный упадокъ; и что крестьянинъ, дѣло котораго не даетъ основанія надѣяться на то, что оно прогремитъ, не добьется такого блага, какъ юридическій совѣтъ, и всецѣло попадетъ въ руки личности, напоминающей прокурора имперіи въ романѣ Золя. Въ самомъ дѣлѣ, независимыхъ присяжныхъ засѣдателей не можетъ быть тамъ, гдѣ присяжный - крестьянинъ знаетъ, что всякій носящій форменное платье можетъ побить его у самыхъ дверей зданія суда. Что касается вердиктовъ присяжныхъ, они пользуются поистинѣ жалкой извѣстностью; они не пользуются никакимъ уваженіемъ, если противорѣчатъ мнѣнію губернатора, и оправданный можетъ быть арестованъ въ

ту минуту, какъ онъ оставляетъ скамью подсудимыхъ, и снова заключёнъ въ тюрьму по простому приказу администраціи. Такой случай произошелъ, напр., съ крестьяниномъ Буруновымъ. Онъ прибылъ въ Петербургъ по порученію своихъ односельчанъ для принесенія Царю жалобы на властей, и былъ преданъ суду въ качествѣ „бунтовщика". Судъ оправдалъ его; но на самой наружной лѣстницѣ его снова арестовали и выслали въ ссылку на полуостровъ Колу. То-же случилось и съ Вѣрой Засуличъ, и съ раскольникомъ Тетеневымъ, и еще со многими другими. Третье Отдѣленіе и губернаторы смотрятъ на новые суды просто какъ на неудобство, и соотвѣтственно такому взгляду и дѣйствуютъ. Наконецъ, очень много дѣлъ рѣшается исполнительной властью секретно, безъ участія какъ судей, такъ и присяжныхъ засѣдателей. Предварительное слѣдствіе по всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ отыскана „политическая окраска", производится просто жандармскими офицерами, иногда въ присутствіи прокурора, который сопровождаетъ ихъ и при набѣгахъ ихъ,—чиновника въ штатскомъ платьѣ, который между товарищами считается паршивой овцой, и обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать или симулировать содѣйствіе при обыскѣ арестованныхъ Третьимъ Отдѣленіемъ. Приговоръ и степень наказанія (а послѣднее можетъ состоять въ пожизненной ссылкѣ въ Сибирь въ предѣлы полярнаго пояса) зависятъ отъ воли Третьяго Отдѣленія или исполнительной власти. Къ этой категоріи дѣлъ относятся не только дѣла о политическихъ преступникахъ, принадлежащихъ къ тайнымъ сообществамъ, но также и дѣла о раскольникахъ; почти всѣ дѣла о неповиновеніи властямъ, поодиночкѣ и скопомъ; стачки; „проступки противъ Его Императорскаго Величества", по каковому разряду недавно

было арестовано въ теченіе 6 мѣсяцевъ 2,500 человѣкъ; словомъ, всѣ дѣла, которыя могутъ поставить власть въ непріятное положеніе или способны, говоря оффиціальнымъ языкомъ, „вызвать возбужденіе въ общественномъ мнѣніи". Изъ политическихъ дѣлъ только первые кружки судились по уставамъ 1864 г.; потомъ, когда правительство замѣтило, что судьи настроены по отношенію къ политическимъ подсудимымъ скорѣе благопріятно, чѣмъ враждебно, эти подсудимые стали предаваться суду съ подтасованнымъ составомъ; т. е., ихъ судили судьи, спеціально для даннаго дѣла назначенные. Дѣло Вѣры Засуличъ было памятнымъ исключеніемъ изъ этого правила. Ее судили присяжные и она была оправдана. Но, пишетъ проф. Градовскій въ одномъ журналѣ, впослѣдствіи пріостановленномъ, „въ Петербургѣ всѣмъ извѣстенъ тотъ секретъ, что это дѣло никогда не дошло-бы до суда присяжныхъ, если-бы не было извѣстныхъ пререканій между директоромъ департамента полиціи съ одной стороны и третьимъ отдѣленіемъ и министрами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ съ другой, если-бы не было той извѣстаго рода jalousie de métier, безъ которой, при нашей необезпеченной жизни, намъ часто нельзя было-бы даже дышать".

Врядъ-ли нужно говорить о томъ, что правдивые отчеты въ прессѣ о политическихъ дѣлахъ никогда не попускались. Прежде газеты обязаны были воспроизводить „фальсифицированные" отчеты, помѣщавшіеся въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*; но теперь правительство убѣдилось, что даже такіе отчеты производятъ на общество глубокое впечатлѣніе, всегда благопріятное подсудимому; и теперь оно дѣлаетъ свое дѣло въ полной тайнѣ. Законъ, изданный въ Сентябрѣ 1881 г., далъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ право требовать, „чтобы всѣ дѣла,

которые могутъ вызвать броженіе умовъ (*sic*) или нарушить общественное спокойствіе, слушались при закрытыхъ дверяхъ". Для предупрежденія распространенія въ обществѣ рѣчей осужденныхъ, или такихъ фактовъ, обнаруженіе которыхъ непріятно правительству, на судебное разбирательство не допускается никто, даже лица, прикосновенныя къ министерству юстиціи; допускаются „только жены или мужья подсудимыхъ, (тоже и въ тюрьму), или отецъ, или мать, или одинъ изъ дѣтей подсудимаго, но не больше одного родственника на каждаго посудимаго". Во время разбирательства послѣдняго дѣла о террористахъ, когда десять человѣкъ было приговорено къ смертной казни, единственнымъ лицомъ, воспользовавшимся этимъ преимуществомъ, была мать Суханова. Много дѣлъ спроваживается такимъ образомъ, что никто не знаетъ, когда произойдетъ разбирательство. Такъ, напр., мы долго оставались въ неизвѣстности относительно судьбы одного военнаго, офицера, сына начальника С.-Петербургской крѣпостной тюрьмы, который былъ приговоренъ къ каторгѣ за сношенія съ революціонерами, покуда не узнали ее случайно изъ одного обвинительнаго акта, читаннаго на судебномъ разбирательствѣ одного дѣла много лѣтъ послѣ его собственнаго. Публика узнаетъ изъ *Правительственнаго Вѣстника*, что Государь Императоръ замѣнилъ смертный приговоръ, произнесенный надъ какими-нибудь революціонерами, пожизненной каторгой; но никакихъ слуховъ не проникаетъ ни о судѣ, ни о преступленіяхъ, въ которыхъ обвинялись осужденные. Мало того, у осужденныхъ къ смертной казни было отнято даже послѣднее утѣшеніе,—мысль, что они умрутъ всенародно. Теперь будутъ вѣшать тайно, въ стѣнахъ крѣпости, и внѣ присутствія кого-бы то ни было изъ внѣшняго міра. Причина этого нововведенія та, что когда

Рысакова вывели къ висѣлицѣ, онъ показалъ толпѣ свои окровавленныя руки, и закричалъ, заглушая голосомъ барабанный бой, что послѣ суда его подвергли пыткѣ, Слова его были услышаны кучкой либераловъ, которые, отрекаясь отъ всякаго сочувствія къ террористамъ, все-же считали своимъ долгомъ обнародовать фактическую сторону дѣла въ тайной прокламаціи, и привлечь вниманіе общества на это вопіющее нарушеніе законовъ человѣчности. Теперь уже ничто не обнаружится изъ того, что происходитъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости послѣ судебнаго разбирательства и до экзекуціи. По крайней мѣрѣ, такъ думаетъ правительство послѣ того, какъ послало на каторгу сына одного тюремщика и дюжину солдатъ, обвинявшихся въ передачѣ писемъ отъ заключенныхъ друзьямъ послѣднихъ въ городъ и обратно. Но извѣстно,— и я безъ малѣйшихъ колебаній утверждаю, что это фактъ,— что по крайней мѣрѣ два революціонера, Андріанъ Михайловъ и Рысаковъ, *были подвергнуты пыткѣ электричествомъ.*

Въ 1861 году губернаторамъ было приказано сдѣлать всеобщую ревизію состоянія тюремъ. Это было въ первые года царствованія Александра II-го, правительство было тогда либеральное, и ревизія въ общемъ была произведена удовлетворительно. Результаты ея подтвердили то, что всѣ и до того знали: именно, что тюрьмы въ Россіи и Сибири находятся въ самомъ плохомъ состояніи, какое только можно себѣ представить. Число заключенныхъ въ каждой изъ нихъ было большей частью вдвое и втрое больше максимальной цифры, допускаемой закономъ. Зданія оказались такими старыми и развалившимися, и въ такомъ невѣроятно грязномъ состояніи, что большей частью въ нихъ не только жить было невозможно, но невозможно

было даже придумать, какимъ способомъ перестроить ихъ.

Внутри тюремъ дѣла обстояли еще хуже, чѣмъ снаружи. Открылось, что вся система продажна до мозга костей, и что чиновники, быть можетъ, нуждаются въ исправленіи еще больше, чѣмъ тюрьмы. Въ Забайкальской области, гдѣ въ то время содержались почти всѣ присужденные къ каторжнымъ работамъ, ревизіонная коммиссія доносила (я былъ секретаремъ ея и мнѣ поручено было составить ея отчетъ), что тюремныя зданія большей частью находятся въ развалинахъ, и что вся карательная система находится на пути къ тому же. Повсемѣстно въ Имперіи было признано, что и теорія, и практика одинако нуждаются въ свѣтѣ и воздухѣ; что нужно преобразовать все, и дѣйствительность и направленіе; и что намъ не только нужно перестроить наши тюрьмы, но и въ корнѣ преобразовать нашъ тюремный строй и обновить штабъ тюремъ отъ перваго человѣка до послѣдняго. Правительство, однако, рѣшило не сдѣлать ничего изъ этого. Оно выстроило нѣсколько новыхъ тюремъ, которыхъ оказалось недостаточно для помѣщенія новыхъ заключенныхъ (ибо населеніе за это время увеличилось на болѣе, чѣмъ 10 милліоновъ); осужденныхъ стали отдавать внаймы собственникамъ частныхъ золотыхъ розсыпей; на Сахалинѣ устроили новыя каторжныя поселенія, съ цѣлью колонизовать островъ, на которомъ никто не хотѣлъ селиться добровольно; и это было все. Старые порядки остались безъ измѣненія, старыя ошибки исправлены не были. Съ каждымъ годомъ тюрьмы все болѣе и болѣе разваливаются, съ каждымъ годомъ штабъ ихъ дѣлается безчестнѣе и безсовѣстнѣе. Годъ за годомъ министерство юстиціи проситъ денегъ на ремонтъ и годъ за годомъ правительство довольствуется тѣмъ, что отсылаетъ его съ половиной или меньше, чѣмъ половиной

того, что оно проситъ; и когда оно, какъ въ 1879 — 1881 гг., проситъ больше трехъ милліоновъ рублей, ему даютъ только жалкихъ милліонъ двѣсти тысячъ. Вслѣдствіе этого тюрьмы превращаются въ постоянные разсадники заразы, и, согласно отчету одной недавней коммиссіи, по крайней мѣрѣ двѣ трети ихъ нуждаются въ перестройкѣ съ крыши до основанія. Чтобы какъ слѣдуетъ размѣстить всѣхъ заключенныхъ въ Россіи, слѣдовало-бы построить еще въ половину столько тюремъ, сколько уже существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1879 году было 70,488 судебныхъ дѣла, а русскія тюрьмы въ общей сложности могутъ содержать не болѣе 54,253 душъ. Въ иныхъ тюрьмахъ, разсчитанныхъ на содержаніе 200—250 человѣкъ, число заключенныхъ обыкновенно колеблется между 700 и 800 человѣкъ одновременно. Въ тюрьмахъ, лежащихъ по дорогѣ въ Сибирь, переполненіе бываетъ еще болѣе чудовищное, когда партіи осужденныхъ задерживаются разливомъ рѣкъ [1]).

[1]) Русская тюремная система устроена слѣдующимъ образомъ. Прежде всего у насъ есть 624 тюрьмы или острога для заключенныхъ, ожидающихъ суда, въ общемъ на 54,253 человѣка, и еще четыре дома предварительнаго заключенія—на 1,134 чел. Не включаются сюда политическія тюрьмы при Третьемъ Отдѣленіи и при крѣпостяхъ. Пересыльныхъ тюремъ, гдѣ заключенные ожидаютъ отправки на мѣста назначенія, десять, разсчитанныхъ на 7,150 чел.; еще двѣ таковыхъ, Мценская и Вышне-Волочиская, для политическихъ осужденныхъ, разсчитаны на 140 чел. Затѣмъ идутъ *арестантскія роты*, военныя организаціи для занятій принудительными работами, которыя хуже каторжныхъ тюремъ въ Сибири, хотя и считаются болѣе легкимъ наказаніемъ. Таковыхъ имѣется 23, на 7,136 чел. (въ 1879 г.—на 9,609 чел.). Къ этому-же разряду должно отнести и *исправительныя отдѣленія*, въ числѣ 13-ти: два большихъ, приспособленныхъ на 1,120 чел., и 11 меньшихъ на 435 заключенныхъ. Каторжнымъ работамъ служатъ 13 «центральныхъ тюремъ». Изъ нихъ семь находятся въ Россіи и разсчитаны на 2,745 чел.; три

Огромное большинство нашихъ заключенныхъ суть люди, ожидающіе суда. Они могутъ быть признаны невинными; и въ Россіи, гдѣ аресты производятся совершенно на удачу, ихъ невинность въ трехъ случаяхъ изъ 10 очевидна для всякаго. Въ самомъ дѣлѣ, изъ годового отчета Министерства Юстиціи за 1876 годъ мы узнаемъ, что изъ 99,964 лицъ, арестованныхъ втеченіе года, только 37,159, т. е. 37%, могло быть привлечено къ суду, и изъ нихъ еще 12,612 было оправдано. Такимъ образомъ, болѣе 75.000 человѣкъ было подвергнуто аресту и заключенію въ тюрьму безъ какого-либо основательнаго къ тому повода; а изъ общаго числа около 25 тысячъ человѣкъ осужденныхъ и превращенныхъ въ „преступниковъ", большое количество (около 15%) мужчинъ и женщинъ просто нарушили установленія о паспортахъ или какую-нибудь стѣснительную мѣру нашего правительства.

Слѣдуетъ упомянуть о томъ, что всѣ эти заключенные, три четверти которыхъ признаются потомъ невинными, проводятъ мѣсяцы, а очень часто и годы, въ провинціальныхъ мѣстахъ заключенія, въ тѣхъ знаменитыхъ *остро-*

въ Западной Сибири, на 1,150 чел.; двѣ въ Восточной Сибири, на 1,650 чел.; и одна на островѣ Сахалинѣ, на 600 чел. (1,103 въ 1879 г.). Остальные осужденные на каторжныя работы, числомъ 10,424, распредѣлены между казенными рудниками, золотыми розсыпями и заводами въ Сибири; именно, на Карскихъ золотыхъ розсыпяхъ ихъ 2000; въ Троицкихъ, Усть-Кутскихъ и Иркутскихъ солеварняхъ, на Николаевскомъ и Петровскомъ желѣзодѣлательныхъ заводахъ, и въ тюрьмѣ на бывшихъ Акатуйскихъ серебряныхъ рудникахъ также содержатся каторжники. Наконецъ, каторжниковъ отдаютъ также въ наймы собственникамъ частныхъ золотыхъ розсыпей въ Сибири. Степень строгости наказанія можетъ такимъ образомъ, колебаться до безконечности, въ зависимости отъ воли властей, и отъ той степени возмездія, которая почитается ими соотвѣтствующей каждому данному случаю.

гахъ, которые путешественникъ видитъ при въѣздѣ въ каждый русскій городъ. Тамъ валяются они, ничего не дѣлая, ни на что не надѣясь, въ полной зависимостн отъ кучки всемогущихъ тюремщиковъ, скученные какъ сельди боченкѣ, въ невѣроятно грязныхъ помѣщеніяхъ, воздухъ которыхъ дѣлаетъ больнымъ и даже заставляетъ лишаться чувствъ всякаго, кто входитъ туда прямо съ свѣжаго воздуха, въ атмосферѣ, насыщенной испареніями ужасной *параши*, кадки, стоящей въ помѣщеніи и служащей для естественныхъ отправленій сотни человѣческихъ существъ.

Въ связи съ этимъ умѣстнѣе всего будетъ привести нѣсколько отрывковъ изъ тюремнаго опыта моего друга, г-жи С...., рожденной Кутузовой, описавшей его на бумагѣ и помѣстившей свой разсказъ въ одномъ русскомъ журналѣ, издающимся въ Женевѣ подъ заглавіемъ *Общее Дѣло* Она была обвинена въ открытіи школы для крестьянскихъ дѣтей безъ разрѣшенія на то Министерства Народнаго Просвѣщенія. Такъ какъ преступленіе ея не было уголовнымъ и сверхъ того она была замужемъ за иностранцемъ, генералъ Гурко только распорядился выслать ее заграницу. Вотъ какъ она описываетъ свой путь изъ С.-Петербурга въ Пруссію. Я перепечатываю извлече ія изъ ея повѣсти безъ комментарій, предупреждая только, что точность ея, даже относительно мельчайшихъ подробностей, совершенно безукоризненна:

„Я была послана въ Вильну вмѣстѣ съ пятьюдесятью арестантами, мужчинами и женщинами. Съ вокзала насъ взяли въ городскую тюрьму и тамъ насъ продержали два часа, поздно ночью, на открытомъ дворѣ, подъ проливнымъ дождемъ. Наконецъ насъ втолкнули въ темный корридоръ и пересчитали. Два солдата схватили меня и гнусно оскорбили. Такому насилію подверглась не я одна: въ

темнотѣ я слышала отчаянные вопли многихъ другихъ женщинъ. Послѣ безчисленныхъ ругательствъ и грязныхъ окриковъ, былъ зажженъ свѣтъ, и я увидѣла, что нахожусь въ просторной комнатѣ, гдѣ невозможно было ступить шагу въ какомъ бы то ни было направленіи, не наступивъ на спавшихъ на полу женщинъ. Двѣ женщины, занимавшія постель, сжалились надо мной и предложили мнѣ подѣлиться ею.. Проснувшись на слѣдующій день, я все еще содрогалась при мысли о вчерашнихъ сценахъ, но арестантки,—убійцы и воровки,—были такъ добры ко мнѣ, что мало-по-малу я успокоилась. На слѣдующій вечеръ насъ „погнали" изъ тюрьмы и выстроили на дворѣ ея, подъ проливнымъ дождемъ, чтобы начать путь. Я сама не понимаю, какимъ образомъ избѣжала кулаковъ тюремщиковъ, въ то время, какъ арестанты не понимали приказаній ихъ и исполняли эти приказанія подъ градомъ ударовъ и ругательствъ; кто пробовалъ протестовать, говоря, что драться нельзя, на тѣхъ надѣвали колодки и отсылали ихъ на поѣздъ, наперекоръ закону, гласящему, что въ арестантскихъ вагонахъ заключенные не должны быть закованы.

„По пріѣздѣ въ Ковно мы цѣлый день провели въ переходахъ изъ одного полицейскаго участка въ другой. Къ вечеру насъ помѣстили въ женскую тюрьму, гдѣ смотрительница ругала главнаго надзирателя и клялась, что она разобьетъ ему въ кровь зубы. Арестанты сказали мнѣ, что такія угрозы она часто приводила въ исполненіе... Здѣсь я провела недѣлю среди убійцъ, воровокъ и женщинъ, арестованныхъ по ошибкѣ. Несчастье объединяетъ несчастныхъ, и каждый старался сдѣлать остальнымъ жизнь болѣе сносной; всѣ были ко мнѣ оченъ добры и дѣлали, что могли, чтобы утѣшить меня. Наканунѣ я ничего не

ѣла, т. к. въ тотъ день, когда заключенные прибываютъ въ тюрьму, имъ пищи не полагается; итакъ я умирала съ голода, и арестанты подѣлились со мной своимъ хлѣбомъ и были такъ добры, какъ только возможно. Между тѣмъ, надзирательница исполняла свои обязанности: она изрыгала такія безстыдныя ругательства, какія лишь немного пьяныхъ мужчинъ рѣшаться промолвить... Послѣ недѣльной остановки въ Ковнѣ, меня отправили пѣшкомъ въ ближайшій городъ. Три дня шли мы, пока прибыли въ Маріамполь; ноги мои были изранены и чулки—полны крови. Солдаты совѣтовали мнѣ попроситься въ повозку, но я предпочла физическія страданія непрерывной брани и грязнымъ разговорамъ начальниковъ. Они все-таки привели меня къ своему командиру, но послѣдній замѣтилъ, что разъ я ходила три дня пѣшкомъ, могу проходить и четвертый. На слѣдующій день мы пришли въ Волковыйскъ, откуда насъ должны были выслать въ Пруссію. Я и пятеро другихъ были временно помѣщены въ острогъ. Женское отдѣленіе стояло въ развалинахъ и потому насъ помѣстили въ мужское... Я не знала, что мнѣ дѣлать, ибо сѣсть было некуда, кромѣ какъ на страшно грязный полъ; не было даже соломы, а вонь, поднимавшаяся отъ пола. немедленно вызвала у меня тошноту... Ватеръ-клозетомъ служилъ большой прудъ; сходить къ нему надо было по сломанной лѣстницѣ, которая подъ однимъ изъ насъ рухнула и погрузила его въ находившуюся подъ нею грязь. Послѣ этого я поняла причину вони: прудъ проходитъ подъ зданіемъ, полъ котораго весь и покрытъ жидкой грязью.

„Здѣсь пробыла я два дня и двѣ ночи, все время проводя около окошка... Ночью двери открылись и пьяныя проститутки съ ужасными криками были втолкнуты въ

наше помѣщеніе. Они привели къ намъ также сумасшедшаго; онъ былъ совершенно нагъ. Негодяи-арестанты обрадовались этому случаю: они мучили сумасшедшаго и доводили его до отчаянія, пока наконецъ онъ не упалъ въ припадкѣ на полъ и такъ и остался лежать съ пѣной у рта. На третій день одинъ изъ острожныхъ солдатъ, еврей, взялъ меня въ свою комнату, въ крошечную каморку, гдѣ я осталась съ его женой... Арестанты говорили мнѣ, что многіе изъ нихъ содержатся „по ошибкѣ“ семь и восемь мѣсяцевъ въ ожиданіи своихъ бумагъ, передъ переправой черезъ границу. Не трудно представить себѣ ихъ состояніе послѣ семимѣсячнаго пребыванія въ этой клѣткѣ, безъ возможности перемѣнить бѣлье. Они совѣтовали мнѣ дать тюремщику денегъ, тогда онъ немедленно отправитъ меня въ Пруссію. Но я уже шесть недѣль была въ дорогѣ и письма мои не доходили до моихъ... Наконецъ мой солдатъ разрѣшилъ мнѣ пойти съ его женой на почту, и я отправила заказное письмо въ Петербургъ“ (У г-жи С. въ столицѣ есть вліятельные родственники, и черезъ нѣсколько дней генералъ-губернаторъ телеграфировалъ, чтобы ее немедленно выслали въ Пруссію). „Мои бумаги, говоритъ она, были немедленно найдены и меня отправили въ Эйдкуненъ и отпустили на свободу“.

Надо сознаться, что разсказъ этотъ ужасенъ; тѣмъ не менѣе, онъ ни на іоту не преувеличенъ. Для тѣхъ изъ насъ, русскихъ, кто имѣлъ дѣло съ арестантами, каждое слово тутъ звучитъ правдиво, каждая сцена кажется нормальной. Ругань, грязь, грубость, взятки, битье, голоданіе,—все это неотъемленныя черты каждаго острога и каждой пересыльной тюрьмы отъ Ковны до Камчатки, отъ Архангельска до Эрзерума. Будь у меня достаточно мѣста, я бы доказалъ это еще сотней разсказовъ.

Таковы тюрьмы въ западной Россіи. На востокѣ и на югѣ онѣ ни чуть не лучше. Нѣкто, заключенный въ Перми (жаль, что г-нъ Лэнсделль, арестованный прошедшимъ августомъ по подозрѣнію въ нигилизмѣ, въ окрестностяхъ Перми, не познакомился съ этой тюрьмой!) писалъ въ *Порядокъ*: „Смотритель—нѣкій Гавриловъ;.... битье въ морду, сѣченіе розгами, заключеніе въ холодный карцеръ, мореніе голодомъ,—вотъ обычныя явленія тюрьмы... За всякую жалобу арестанты посылаются „въ баню“, т. е. наказываются розгами, и пробуютъ карцера... Смертность ужасна“. Во Владимірѣ было сдѣлано столько попытокъ бѣгства, что это послужило предметомъ особаго разслѣдованія. „Заключенные объявили, что на получаемое ими содержаніе совершенно немыслимо поддерживать существованіе. Къ высшему начальству обращались много разъ съ жалобами, но послѣднія всегда оставались безъ отвѣта. Наконецъ, арестанты принесли жалобу въ Московскую судебную палату; но смотритель прослышалъ объ этомъ, устроилъ обыскъ и завладѣлъ бумагой“. Легко сообразить, что въ подобныхъ тюрьмахъ смертность должна быть огромна; но дѣйствительность безспорно превосходитъ все, что можно себѣ представить. Такъ, въ 1878 г. священникъ Харьковской тюрьмы сказалъ съ амвона, и въ 1879 г. *Епархіальная Газета* воспроизвела тотъ фактъ, что впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ изъ 500 заключенныхъ въ тюрьмѣ *двѣсти человѣкъ умерло отъ цынги.* Никакая полярная экспедиція, ни теперь ни раньше, не отличалась такой смертностью, какъ содержаніе въ русской тюрьмѣ. Кіевская тюрьма была гнѣздомъ тифозной лихорадки. За одинъ мѣсяцъ насчитаны были сотни смертей, и новыя толпы были пригнаны, чтобы занять мѣсто тѣхъ, кого унесла смерть. Объ этомъ было писано во всѣхъ газетахъ. Только

2*

черезъ годъ (12 іюня 1882), главное тюремное управленіе циркулярно разъяснило причины эпидеміи слѣдующимъ образомъ: „1) Тюрьма была страшно переполнена, хотя было не трудно перевести много заключенныхъ въ другія тюрьмы; 2) Камеры были очень сырыя, стѣны были покрыты плѣсенью, а полы сгнили во многихъ мѣстахъ; 3) помойныя ямы были въ такомъ состояніи что почва подъ ними была пропитана зловонной жидкостью“ и т. д. и т. д. Управленіе добавляло, что изъ за такого же грязнаго состоянія и другія тюрьмы подвергаются опасности испытать такую-же точно эпидемію.

Главная петербургская тюрьма, такъ называемый Литовскій Замокъ, содержится чище; но и это устарѣлой постройки, сырое и мрачное зданіе слѣдовало-бы прямо сравнять съ землей. Уголовнымъ заключеннымъ приходится исполнять нѣкоторое количество работы. Но политическіе содержатся въ своихъ камерахъ въ полномъ бездѣйствіи; и нѣкоторые мои друзья,—герои процесса 193-хъ, пробывшіе въ этой тюрьмѣ два года и больше,—изображаютъ ее одной изъ самыхъ худшихъ, какія они знаютъ. Камеры очень тѣсныя, очень темныя и очень сырыя; а смотритель Макаровъ былъ просто на просто дикое животное. Послѣдствія одиночнаго заключенія описаны мной въ другомъ мѣстѣ. Достойно вниманія, что обычная сумма, отпускающаяся на пропитаніе,—семь копѣекъ въ день, а для заключенныхъ изъ привилегированныхъ сословій—10 копѣекъ, въ то время какъ черный ржаной хлѣбъ стоитъ три и четыре копѣйки фунтъ.

Но гордость нашихъ властей составляетъ новый „Домъ предварительнаго заключенія“ въ Петербургѣ, достопримѣчательность, показываемая иностранцамъ. Это—„образцовая тюрьма“, единственная таковая въ Россіи; построена

она по плану бельгійскихъ тюремъ. Я знакомъ съ нею по личному опыту, такъ какъ былъ заключенъ тамъ впродолженіе трехъ мѣсяцевъ передъ тѣмъ, какъ меня перевели въ тюрьму при военномъ госпиталѣ. Это—единственная въ Россіи чистая тюрьма для уголовныхъ преступниковъ. Чиста она безусловно. Половая щетка работаетъ тамъ безъ устали, а метлы и ведра проявляютъ почти сверхъестественную дѣятельность. Это выставка, и заключенные обязаны содержать ее блестяще. Все утро они моютъ, трутъ, полируютъ асфальтовый полъ; и дорого имъ обходится его блескъ. Воздухъ насыщенъ частицами асфальта. (Я сдѣлалъ бумажный абажуръ на свой газовый рожокъ, и черезъ нѣсколько часовъ можно было рисовать пальцемъ фигуры по пыли, покрывшей его); и этимъ воздухомъ приходится дышать.

Въ три верхніе этажа проникаютъ всѣ запахи нижняго и вентиляція настолько плоха, что вечеромъ, когда двери заперты, дышать положительно нечѣмъ. Одна за другой назначались двѣ или три особыя коммиссіи для изысканія способовъ усовершенствовать вентиляцію; и послѣдняя, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота, донесла прошлымъ іюнемъ, что зданіе, (стоившее вдвое больше, чѣмъ подобныя ему бельгійскія и нѣмецкія тюрьмы), должно быть совершенно перестроено, такъ какъ никакой ремонтъ, даже фундаментальный, не въ состояніи сдѣлать вентиляцію сносной. Камеры имѣютъ 10 футовъ въ длину и 7 футовъ въ ширину; и одно время тюремныя правила обязывали насъ держать открытыми отверстія въ дверяхъ, изъ опасенія чтобы мы не задохнулись на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣли. Потомъ правило это было отмѣнено, отверстія закрыты, и намъ было предоставлено справляться какъ угодно съ дѣйствіемъ температуры, которая иногда

была удушливо высокой, иногда ледяной. Если бы не бо́льшая оживленность жизни Дома, я-бы пожалѣлъ о своемъ казематѣ въ Петропавловской тюрьмѣ, несмотря на мрачность и сырость его,—казематѣ, представлявшемъ настоящій гробъ, гдѣ заключенный втеченіе двухъ, трехъ, пяти, десяти лѣтъ не слышитъ звука человѣческаго голоса и не видитъ ни одного живого существа кромѣ двухъ или трехъ тюремщиковъ, которые притворяются глухонѣмыми, когда къ нимъ обращаются заключенные. Никогда я не забуду дѣтей, встрѣченныхъ мной однажды въ корридорѣ Дома предварительнаго заключенія. Они также, какъ и мы, мѣсяцами и годами ждали судебнаго разбирательства. Ихъ изжелта-сѣрыя, изможденныя лица, ихъ испуганные и дикіе взгляды заслуживали цѣлыхъ томовъ опытовъ и отчетовъ о „послѣдствіяхъ одиночнаго заключенія въ образцовой тюрьмѣ“. Что касается до администраціи Дома предварительнаго заключенія, то достаточно сказать, что даже русскія газеты открыто говорятъ о томъ, какъ воруется содержаніе заключенныхъ; такъ что въ прошломъ году назначена была слѣдственная комиссія, и открылось, что факты въ дѣйствительности еще мрачнѣе донесеній. Но все это поистинѣ пустяки въ сравненіи съ обращеніемъ, которое терпятъ заключенные. Тутъ произошелъ тотъ фактъ, что генералъ Треповъ приказалъ высѣчь Боголюбова, велѣлъ бить ногами и кулаками тѣхъ заключенныхъ, которые протестовали, а потомъ заперъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на пять дней въ каморки около умывалокъ, среди испражненій, въ 45-градусной температурѣ. Зная эти факты, сколько ироніи найдемъ мы въ восторженномъ замѣчаніи г-на Лэнсделля: „Кто хочетъ знать, на что *способна* Россія, тому надо посѣтить Домъ предварительнаго заключенія“!

Всѣ разнообразныя наказанія, налагаемыя нашимъ уголовнымъ уложеніемъ, могутъ быть распредѣлены между четырьмя крупными категоріями. Первой являются каторжныя работы, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Имущество осужденнаго переходитъ къ его наслѣдникамъ, онъ подвергается гражданской смерти, и жена его можетъ выйти замужъ за другого; его можетъ сѣчь сколько угодно розгами, плетьми каждый пьяный тюремщикъ. Отбывъ извѣстный срокъ каторжныхъ работъ на сибирскихъ рудникахъ или заводахъ, онъ поселяется на всю жизнь въ одной изъ мѣстностей Сибири. Второй категоріей является принудительное поселеніе, сопровождающееся полнымъ или частичнымъ лишеніемъ правъ состоянія, и равносильное пожизненной Сибири. Въ третью категорію входятъ всѣ осужденные на принудительныя работы въ *арестантскихъ ротахъ*, безъ лишенія гражданскихъ правъ. Четвертую, если опустить много наказаній небольшого значенія, составляетъ высылка въ Сибирь безъ суда, по приказанію администраціи и на неопредѣленный срокъ, т. е. большей частью на всю жизнь.

Ссылка въ Сибирь сама по себѣ представляетъ предметъ настолько обширный и драматическій, и дала поводъ такому количеству заблужденій и ложныхъ представленій, что говорить о ней здѣсь было бы безполезнымъ трудомъ. При иномъ случаѣ я надѣюсь сдѣлать ее предметомъ пространнаго разбора. Въ настоящей же статьѣ я ограничусь разсмотрѣніемъ положенія тѣхъ осужденныхъ, которые содержатся въ самой Россіи, въ такъ называемыхъ Временныхъ Центральныхъ Тюрьмахъ.

Послѣднія учреждены только недавно. Прежде осужденные на каторгу прямо препровождались въ Сибирь: въ рудники, принадлежащіе Кабинету Его Величества, иными

словами, составляющіе частную собственность короны. Но нѣкоторые изъ нихъ истощились; другіе были найдены, или представлены, столь невыгоднымъ дѣломъ, пока онѣ находились въ управленіи казны, что ихъ продали частнымъ лицамъ, которые на нихъ нажили состоянія, а Европейская Россія оказалась въ необходимости самой найти занятіе для своихъ каторжниковъ. Въ виду этого въ Россіи было построено небольшое число центральныхъ тюремъ, гдѣ осужденные содержатся нѣкоторое время (отъ $^1/_3$ до $^1/_4$ всего срока, на который они приговорены), передъ отсылкой въ Сибирь или на Сахалинъ. Въ широкихъ слояхъ общества склонны считать каторжниковъ худшими изъ преступниковъ. Но для Россіи такое мнѣніе далеко не правильно. На каторгу приводятъ убійство, воровство, грабежъ, подлогъ; но приводятъ туда также и покушеніе на самоубійство; и „святотатство и богохульство“, что обыкновенно означаетъ просто несогласіе съ господствующей религіей, расколъ; и „бунтъ“, т. е. скорѣе то, что называется *бунтомъ* въ Россіи, но большей частью представляетъ не что иное, какъ обыкновенное неповиновеніе властямъ; и всякаго рода политическіе проступки; и бродяжничество, что большей частью означаетъ бѣгство изъ Сибири. Среди убійцъ также находятся не только профессіональные кровопійцы, которые представляютъ у насъ рѣдкое явленіе, но и люди, отнявшіе человѣческую жизнь при такихъ условіяхъ, которыя, на судѣ присяжныхъ или въ рукахъ честнаго защитника, обезпечили-бы имъ оправданіе. Во всякомъ случаѣ, изъ 2000 — 2500 мужчинъ и женщинъ, ежегодно ссылаемыхъ на каторгу, только около 30% осуждены за убійство. Остальное количество дѣлится въ приблизительно равной пропорціи между „бродягами“

и мужчинами и женщинами, обвиненными въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ маловажныхъ проступковъ.

Центральныя тюрьмы были учреждены съ цѣлью налагать наказанія самого строгаго разряда. Мысль была,— боюсь, что въ этомъ нельзя сомнѣваться,—такова, что чѣмъ меньше заботъ объ осужденныхъ, тѣмъ лучше; и чѣмъ скорѣе отъ нихъ избавляются, тоже тѣмъ лучше, съ этими намѣреніями въ тюрьмы эти назначались такіе смотрители и тюремщики, большей частью изъ военныхъ, которые пользовались особой извѣстностъю за свою жестокость; и этимъ негодяямъ была дана неограниченная власть надъ ввѣренными имъ людьми и полная свобода дѣйствій, причемъ имъ было приказано быть какъ можно суровѣе. Цѣль, ради которой ихъ назначали, достигалась блестяще: каждая изъ центральныхъ тюремъ представляетъ настоящій адъ; передъ ними меркнутъ ужасы сибирской каторги, и всѣ, кто узналъ ихъ изъ опыта, единогласно заявляютъ, что день отправки заключеннаго въ Сибирь есть для него счастливѣйшій въ жизни.

Осматривая эти тюрьмы въ качествѣ „знатнаго посѣтителя, вы, если ищете сильныхъ ощущеній, будете чрезвычайно разочарованы. Вы увидите просто грязное зданіе, переполненное лѣнивымъ населеніемъ, валяющимся и лежащимъ въ растяжку по покатымъ наклоннымъ нарамъ, расположеннымъ вдоль стѣнъ и не покрытымъ ничѣмъ, кромѣ слоя грязи. Вамъ, быть можетъ, разрѣшатъ посѣтить нѣсколько камеръ для „секретныхъ“ или политическихъ заключенныхъ; а если вы будете распрашивать арестантовъ, они обязательно отвѣтятъ Вамъ, что „вполнѣ довольны всѣмъ“. Чтобы знать истину, надо самому побывать въ положеніи заключеннаго. Разсказовъ о личномъ опытѣ имѣется мало; но таковые существуютъ, и

на одинъ изъ самыхъ разительныхъ я предлагаю обратить вниманіе. Онъ написанъ офицеромъ, который былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ за нападеніе въ запальчивости и раздраженіи и помилованъ царемъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заключенія. Его разсказъ бытъ помѣщенъ въ одномъ консервативномъ журналѣ, *Русской Рѣчи,* въ то время, когда, въ правленіе Лорисъ-Меликова, было много разговоровъ о тюремной реформѣ и была извѣстная свобода печати, и ни одинъ журналъ не могъ не признать безукоризненной правдивости этого разсказа. Опытъ нашихъ друзей вполнѣ подтверждаетъ его.

Въ разсказѣ о матеріальныхъ условіяхъ жизни въ этой центральной тюрьмѣ нѣтъ ничего необычнаго. Они до извѣстной степени одинаковы по всей Россіи. Разъ мы знаемъ, что тюрьма была выстроена на 250 заключенныхъ, а содержатся въ ней ихъ 400, намъ нечего спрашивать еще о санитарныхъ условіяхъ. Точно также и пища была тамъ не хуже и не лучше, чѣмъ повсюду. Семь копѣекъ въ день на заключеннаго—содержаніе очень скудное, а такъ какъ тюремщикъ и экономъ люди семейные, то они, понятно, стараются сберечь какъ можно больше. Четверть фунта чернаго ржаного хлѣба; супъ изъ бычачьяго сердца и печени или изъ семи фунтовъ мяса, двадцати фунтовъ неочищеннаго овса, такого-же количества кислой капусты, и огромной массы воды—такой пищѣ позавидовало-бы много русскихъ арестантовъ. Условія духовной жизни не столь удовлетворительны. Весь день нечего дѣлать,—и это недѣлями, мѣсяцами, наконецъ годами. Существуютъ правда, мастерскія; но туда допускаются только знающіе ремесленники (вознагражденіе которыхъ составляетъ побочный источникъ дохода для смотрителя тюрьмы). У другихъ нѣтъ ни работы, ни надежды на работу,—если только

нѣтъ снѣжной погоды, въ каковомъ случаѣ начальникъ тюрьмы можетъ заставить половину арестантовъ сгребать снѣгъ въ кучи, а другую половину—раскидывать послѣднія обратно по землѣ. Блѣдное разнообразіе ихъ жизни оживляется только наказаніями. Въ частности, въ этой тюрьмѣ, о которой я пишу, наказанія разнообразныя и утонченныя. За куреніе и тому подобные мелкіе проступки арестантъ можетъ быть наказанъ двухъ-часовымъ стояніемъ на колѣняхъ на голыхъ каменныхъ плитахъ, въ уголку, тщательно для этой цѣли выбранномъ, гдѣ насквозь дуютъ леденящіе зимніе вѣтры. Слѣдующее наказаніе за тѣ же мелкіе проступки—карцеры, теплый и холодный, подземный, гдѣ температура стоитъ на точкѣ замерзанія. Въ обоихъ арестанты спятъ на камняхъ, а продолжительность срока наказанія зависитъ о произвола начальника тюрьмы.

„Нѣкоторыхъ изъ насъ“, говоритъ намъ разсказчикъ „держали тамъ двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ ихъ буквально *выволакивали* на свѣтъ Божій и потомъ отправляли туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій“. Удивительно-ли послѣ этого, что за четырехлѣтній періодъ, охватываемый опытомъ автора, средняя годовая смертность въ тюрьмѣ равнялась 30%? „Не слѣдуетъ думать, продолжаетъ онъ, что такимъ наказаніямъ подвергались только закоренѣлые буяны; ихъ назначали намъ, если мы оставляли на ужинъ кусокъ хлѣба съ обѣда, или если у арестанта находили спичку“.

Съ „буянами“ поступали иначе. Одинъ, напр., девять мѣсяцевъ просидѣлъ въ одиночномъ заключеніи въ темной каморкѣ, —первоначально предназначавшейся для больныхъ

воспаленіемъ глазъ,—и вышелъ почти слѣпымъ и съумасшедшимъ. Но и это еще не самое худшее.

„По вечерамъ, продолжаетъ онъ, начальникъ тюрьмы дѣлалъ свой обходъ и обыкновенно приступалъ къ своему любимому времяпрепровожденію—сѣченію. Приносили очень узкую скамейку и скоро помѣщеніе оглашалось стонами, въ то время, какъ начальникъ, куря сигару, слѣдилъ и считалъ удары. Розги были исключительной величины, и внѣ употребленія сохранялись въ водѣ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе гибкими. Послѣ десятаго удара стоны прекращались и слышно было только хрипѣніе. Обыкновенно сѣкли группами, пять, десять человѣкъ или больше, и когда экзекуція кончалась, на мѣстѣ ея оставалась огромная лужа крови. Прохожіе обыкновенно переходили въ такія минуты на противоположную сторону улицы, и въ ужасѣ и страхѣ крестились. Послѣ каждой такой сцены у насъ бывало два или три дня относительнаго покоя; ибо сѣченіе успокоительно вліяло на нервы начальника тюрьмы. Но скоро онъ снова становился самимъ собой. Когда онъ былъ очень пьянъ и лѣвый усъ его опускался и не былъ причесанъ, или когда онъ возвращался домой съ охоты съ пустымъ ягдташемъ, тогда мы знали, что розги заработаютъ въ тотъ-же вечеръ".

Послѣ этого нѣтъ нужды разсказывать о многихъ другихъ возмутительныхъ подробностяхъ жизни въ той-же тюрьмѣ. Но есть черта, надъ которой надо бы призадуматься посѣтителямъ—иностранцамъ.

„Однажды, говоритъ нашъ разсказчикъ, насъ посѣтилъ тюремный инспекторъ. Заглянувъ въ котелъ, онъ спросилъ насъ, хороша-ли наша пища, и есть-ли что-либо, на что мы можемъ пожаловаться? Заключенные не только заявили, что они вполнѣ довольны всѣмъ, но еще перечислили

такіе предметы пищи, которыхъ они никогда и не нюхали". „Это, прибавляетъ онъ, вполнѣ естественно: если бы были заявлены претензіи, инспекторъ сдѣлалъ бы начальнику небольшое замѣчаніе и удалился-бы; а заключенные, заявившіе ихъ, остались-бы и заплатили-бы за свою смѣлость розгами или карцеромъ.

Тюрьма, о которой идетъ рѣчь, находится недалеко отъ Петербурга. Что представляютъ изъ себя болѣе отдаленныя провинціальныя тюрьмы, читатель можетъ самъ вообразить себѣ. Я упомянулъ выше о Харьковской и Пермской; по словамъ-же *„Голоса"* Симбирская Центральная тюрьма является гнѣздомъ хищенія и воровства. Тоже говорятъ мои друзья и о второй центральной тюрьмѣ Харьковской губерніи, гдѣ содержатся политическіе осужденные. Послѣднимъ живется гораздо хуже, нежели ихъ товарищамъ - уголовнымъ. Они содержатся отъ 3-хъ до 5-ти лѣтъ въ одиночномъ заключеніи, въ кандалахъ, въ темныхъ и сырыхъ камерахъ, размѣръ которыхъ равенъ 10×6 футовъ, совершенно отрѣзанные отъ какихъ-бы то ни было сношеній съ людьми. Зная по двумъ съ половиной годамъ личнаго опыта, что такое одиночное заключеніе, я безъ колебаній утверждаю, что вь томъ видѣ, въ какомъ оно примѣняется въ Россіи, оно является одной изъ жесточайшихъ пытокъ, какія можетъ вынести человѣкъ. Здоровье заключеннаго, какъ-бы крѣпко оно ни было, безвозвратно разстраивается. Военная наука учитъ, что въ осажденномъ гарнизонѣ, который нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ на уменьшенномъ пайкѣ, смертность возрастаетъ выше всякой мѣры. Это еще вѣрнѣе относительно людей, сидящихъ въ одиночномъ заключеніи. Недостатокъ свѣжаго воздуха, отсутствіе физическихъ и умственныхъ упражненій, привычка къ молчанію, отсутствіе безчисленнаго множества впечатлѣній,

которыя мы воспринимаемъ на свободѣ днемъ и ночью, фактъ, что до насъ не доходятъ никакія впечатлѣнія, кромѣ порожденныхъ нашимъ воображеніемъ, — все это вмѣстѣ дѣлаетъ изъ одиночнаго заключенія вѣрную и жестокую форму убійства. Если есть возможность переговариваться съ сосѣдями — заключенными (при помощи легкаго стука въ стѣну), — таѳой разговоръ является облегченіемъ, громадность котораго можетъ по достоинству оцѣнить только тотъ, кто цѣлый годъ или два года былъ совершенно отрѣзанъ отъ остальнаго человѣчества. Но эти переговоры составляютъ и новый источникъ страданія, ибо очень часто къ вашимъ собственнымъ нравственнымъ мукамъ присоединяются тѣ, которыя вы испытываете, наблюдая день за днемъ за растущимъ безуміемъ вашего сосѣда, открывая въ каждомъ изъ его посланій ужасные образы, тревожащіе и наводняющіе его больной мозгъ. Такому заключенію подвергаются политическіе заключенные въ ожиданіи суда впродолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ. Но еще хуже имъ становится, когда послѣ осужденія ихъ препровождаютъ въ Харьковскую центральную тюрьму. Не только камеры тамъ темнѣе и сырѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и пища хуже обыкновенной (на нее отпускается пять коп. въ день); но въ дополненіе къ этому заключенныхъ еще тщательно лишаютъ всякой работы. Никакихъ книгъ не даютъ, и, конечно, письменныхъ принадлежностей также; не даютъ и никакихъ орудій для ручного труда. Нѣтъ возможности облегчить больную душу, не на чемъ сосредоточить болѣзненную дѣятельность ума, и по мѣрѣ того, какъ чахнетъ и слабѣетъ тѣло, духъ становится все болѣе и болѣе одичалымъ и отчаяннымъ. Физическія страданія рѣдко, даже никогда не бываютъ невыносимыми; лѣтописи войнъ, мученичества, эпидемій изобилуютъ примѣрами

подтверждающими это; но зато нравственныя муки, особенно послѣ того, какъ ихъ терпѣли годами, совершенно нестерпимы. Въ этомъ наши друзья убѣдились по себѣ. Заключенные сначала въ крѣпостяхъ и домахъ предварительнаго заключенія, потомъ въ центральныхъ тюрьмахъ, они быстро чахнутъ, и либо медленно сходятъ въ могилу, либо теряютъ разумъ. Они сходятъ съума не такъ, какъ сошла съума многообѣщающая молодая художница, г-жа М., послѣ того, какъ подверглась насилію со стороны жандармовъ. Она лишилась разума сразу; ея безуміе было одновременно съ ея позоромъ. Ими-же безуміе овладѣваетъ постепенно, медленно; разумъ „часъ за часомъ" меркнетъ въ тѣлѣ.

Въ іюлѣ 1878 года жизнь заключенныхъ въ Харьковскую тюрьму стала такой невыносимой, что шестеро изъ нихъ рѣшили уморить себя голодомъ. Цѣлую недѣлю отказывались они отъ пищи; а когда начальникъ тюрьмы распорядился питать ихъ при помощи вспрыскиваній, то послѣдовавшія за этимъ сцены заставили тюремныхъ властей отказаться отъ этой мысли. Чтобы уговорить ихъ вернуться къ жизни, начальство дало имъ извѣстныя обѣщанія: напр., разрѣшить имъ прогулки пѣшкомъ и снять съ больныхъ кандалы. Ни одно изъ этихъ обѣщаній не было сдержано; и въ теченіе пяти долгихъ лѣтъ тѣ, кто остался въ живыхъ, были оставлены въ полной зависимости отъ произвола такого тюремщика, какъ описанный выше. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ первая партія нашихъ друзей, содержавшихся въ центральныхъ тюрьмахъ, была отправлена въ Карскіе рудники (что довело на этихъ рудникахъ общее число политическихъ, мужчинъ и женщинъ, до 154-хъ); они отлично знали, что за жизнь предстоитъ имъ въ Сибири, и все-же считали тотъ день, когда оставили этотъ адъ, счастливымъ днемъ избавленія. Послѣ

центральной тюрьмы даже каторга въ Сибири кажется раемъ.

Можно подумать, что болѣе суровыхъ условій одиночнаго заключенія не можетъ быть. Но для русскихъ политическихъ осужденныхъ имѣется въ запасѣ еще болѣе горькая участь. Послѣ „дѣла 16-ти" (въ ноябрѣ 1880-го года), Европа съ удовлетвореніемъ узнала, что изъ пяти приговоренныхъ къ смертной казни тремъ приговоръ былъ смягченъ. Теперь мы знаемъ, что значитъ это смягченіе. Вмѣсто отсылки въ Сибирь или въ одну изъ центральныхъ тюремъ, что было-бы согласнымъ съ закономъ, ихъ замуровали въ Петропавловскую крѣпость въ С.-Петербургѣ, въ камерахъ, устроенныхъ въ прежнемъ равелинѣ [1]) Эти камеры такъ темны, что свѣтъ зажигается въ нихъ на 22 часа изъ 24-хъ. Со стѣнъ буквально каплями стекаетъ сырость, и „на полу стоятъ лужи воды". „Запрещено не только имѣть книги, но и все, что можетъ помочь занять вниманіе. Зубковскій изъ хлѣба сдѣлалъ геометрическія фигуры для своихъ занятій; ихъ немедленно отобрали, т. к., по словамъ тюремщика, каторжникамъ не разрѣшено забавляться". Чтобы сдѣлать одиночное заключеніе еще болѣе невыносимымъ, внутри камеры помѣщаютъ жандарма и солдата. Жандармъ постоянно на чеку, и если заключенный смотритъ на что нибудь или въ какую-нибудь точку, онъ немедленно идетъ посмотрѣть, что такое привлекло его вниманіе. Ужасъ одиночнаго заключенія благодаря этому удесятеряется. Самый спокойный заключенный начинаетъ ненавидѣть приставленныхъ къ нему шпіоновъ и приходитъ въ бѣшенство отъ одного вида ихъ.

---

[1]) Подлинный отчетъ объ ихъ заключеніи былъ напечатанъ въ последнемъ номерѣ *Народной Воли* и воспроизведенъ въ журналѣ *На Родинѣ*.

Излишне прибавлять, что малѣйшее неповиновеніе наказывается ударами и карцеромъ. Всѣ, кто подвергается этому режиму, вскорѣ заболѣваютъ. Ширяевъ меньше, чѣмъ черезъ годъ схватилъ чахотку; Окладскій,—здоровый, крѣпкій рабочій, замѣчательная рѣчь котораго на судѣ была воспроизведена лондонскими газетами,—сошелъ съ ума; Тихонова, тоже крѣпкаго мужчину, свалила цынга, и онъ не въ состояніи былъ даже сѣсть на постели. Одной только „замѣны приговора" достаточно было, чтобы всѣхъ трехъ въ одинъ годъ загнать къ порогу смерти. Изъ остальныхъ пятерыхъ, приговоренныхъ къ каторгѣ и заключенныхъ въ ту-же крѣпость, двое,—Мартыновскій и Цукерманъ,—сошли съ ума и въ такомъ состояніи содержались постоянно въ въ карцерѣ, такъ что въ концѣ концовъ Мартыновскій покушался на свою жизнь.

Я не имѣю возможности входить здѣсь въ болѣе подробное разсмотрѣніе дѣла и привести еще другіе факты, иллюстрирующіе жизнь политическихъ и уголовныхъ осужденныхъ въ Россіи. Да и предъидущаго уже достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о ней. Въ общемъ оно резюмируется одной фразой того разсказа о жизни въ тюрьмѣ, который я уже приводилъ такъ пространно и по такимъ страшнымъ поводамъ.

„Въ заключеніе, пишетъ разсказчикъ, долженъ добавить, что тюрьма въ настоящее время облагодѣтельствована новымъ начальникомъ. Прежній поссорился съ казначеемъ изъ-за содержанія арестантовъ, и въ концѣ концовъ оба они были уволены. Новый начальникъ тюрьмы— не такой негодяй, какъ его предшественникъ; говорятъ, однако, что при немъ арестанты голодаютъ гораздо больше, чѣмъ прежде, и что у него дурная привычка даватъ полную свободу своимъ кулакамъ ходить по физіономіямъ ввѣренныхъ ему заключенныхъ".

Это замѣчаніе передаетъ весь смыслъ „тюремной реформы“ въ Россіи. Мучителя могутъ уволить, но его замѣнитъ другой, не лучше, а можетъ быть и хуже него. Для того, чтобы сколько-нибудь улучшить состояніе тюремъ, необходимо не смѣнить нѣсколько отдѣльныхъ людей, а преобразовать всю систему. И къ тому же заключенію пришла и особая коммиссія, недавно назначенная правительствомъ. Но было просто самообманомъ полагать, что измѣненіе къ лучшему возможно при наличности того строя, при которомъ мы живемъ въ настоящее время. Не менѣе полудюжины коммиссій уже разсматривали дѣло, и всѣ онѣ приходили къ тому выводу, что нашимъ тюрьмамъ придется остаться тѣмъ, что они есть, если правительство не будетъ готово на чрезвычайно крупные расходы. Но въ честныхъ и способныхъ людяхъ нужда гораздо большая, чѣмъ въ деньгахъ, а ихъ-то нынѣшнее правительство и не хочетъ и не можетъ найти. Они имѣются въ Россіи, и въ большомъ числѣ: но ихъ услугъ не спрашиваютъ. Г-нъ Лэнсделль зналъ и описалъ одного такого человѣка, полковника Кононовича, начальника Карскаго каторжнаго поселенія. Онъ разсказываетъ, какъ Кононовичъ, безъ всякихъ расходовъ для казны, исправилъ разрушенныя непогодой, сгнившія зданія, и сдѣлалъ ихъ болѣе или менѣе обитаемыми; какъ ему удалось, на ничтожныя средства, бывшія въ его распоряженіи, улучшить пищу заключенныхъ; и всѣ эти разсказы вѣрны. Но похвалы г-на Лэнсделля, вмѣстѣ съ подобными же похвалами, заключавшимися въ одномъ письмѣ, перехваченномъ на пути изъ Сибири, представили достаточный поводъ для того, чтобы правительство стало смотрѣть на Кононовича подозрительно. Онъ былъ немедленно уволенъ, а его преемникъ получилъ приказаніе снова ввести прежніе желѣз-

ные порядки. Политическіе осужденные, пользовавшіеся по истеченіи законнаго срока заключенія въ тюрьмѣ нѣкоторой свободой, снова были ввергнуты въ оковы; не всѣ впрочемъ, такъ какъ двое предпочли покончить самоубійствомъ; и опять все идетъ такъ, какъ желательно было правительству. Другое лицо, о которомъ прекрасно отзывается г-нъ Лэнсделль, и вполнѣ основательно,—генералъ Педашенко, тоже былъ смѣщенъ за то, что онъ отказалъ въ утвержденіи смертнаго приговора, постановленнаго военнымъ судомъ надъ осужденнымъ Щедринымъ, который былъ найденъ виновнымъ въ нанесеніи удара офицеру за оскорбленіе послѣднимъ двухъ дамъ, товарищей Щедрина по несчастью, г-жъ Богомолецъ и Ковальской

И повсюду тоже самое. Посвятить себя какимъ бы то ни было заботамъ объ осужденныхъ, значитъ подвергнуть себя вѣрной отставкѣ и опалѣ. Въ окрестностяхъ С.-Петербурга есть исправительное заведеніе,—колонія для малолѣтнихъ преступниковъ. Одинъ человѣкъ, по имени Гердъ, внукъ извѣстнаго шотландца, который при Александрѣ I-мъ работалъ надъ преобразованіемъ нашихъ тюремъ, душой и тѣломъ отдался заботѣ объ этихъ несчастныхъ твореніяхъ. Онъ обладалъ огромной энергіей и очарованіемъ; онъ всю душу свою вложилъ въ свое дѣло; онъ могъ-бы соперничать съ Песталоцци. Подъ его облагораживающемъ вліяніемъ дѣти—воришки и бездѣльники, зараженные всѣми пороками улицы и тюрьмы, научились быть людьми въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Самымъ тяжелымъ наказаніемъ, какое допускалось въ этой исправительной колоніи, скоро ставшей поистинѣ образцовой, было изгнаніе съ мѣста общихъ работъ или изъ классовъ. Но люди, подобные Герду,—не такіе, въ какихъ нуждается наше правительство. Онъ былъ отставленъ отъ должности,

и учрежденіе, которымъ онъ такъ мудро управлялъ, превратилось въ заурядную русскую тюрьму, со всѣми чертами послѣдней, до розогъ и карцера включительно.

Эти примѣры ясно показываютъ и то, что намъ приходится терпѣть и то, чего мы можемъ ждать впереди. Думать, что въ нашихъ тюрьмахъ что-нибудь можетъ быть преобразовано — ребячество. Наши тюрьмы являются отраженіемъ всей нашей жизни при настоящемъ строѣ; и онѣ останутся тѣмъ, что они есть, до той поры, пока вся наша система управленія и вся наша жизнь не претерпитъ коренного преобразованія. Тогда, но *только* тогда, „Россія въ состояніи будетъ показать, *на что она способна*"; но что касается преступниковъ, то я надѣюсь, что это будетъ нѣчто другое, нежели то, что понимается теперь подъ словами „хорошая тюрьма".

Ссыльная Россія.

Путешествіе ссыльныхъ до Сибири.

Сибирь,—страна изгнанія,—всегда представлялась понятію европейцевъ страной ужасовъ, страной кандаловъ и кнута, гдѣ осужденныхъ засѣкаютъ до смерти жестокіе чиновники, гдѣ ихъ замариваютъ непосильнымъ трудомъ въ рудникахъ; страной невыразимыхъ страданій народа и ужасныхъ преслѣдованій которымъ подвергаетъ своихъ враговъ русское правительство. Безъ сомнѣнія, никто, будь то русскій или иностранецъ, не пересѣкалъ Уральскаго хребта и не останавливался на его водораздѣлѣ, у пограничнаго столба, на которомъ съ одной стороны надпись „Европа", а съ другой—„Азія", не содрогаясь при мысли, что онъ вступаетъ въ страну плача и стоновъ. Немало путешественниковъ навѣрное говорили себѣ, что къ пограничному столбу Сибири лучше подошла бы надпись Дантова Ада, чѣмъ эти два слова, которыми предполагается разграничить двѣ части свѣта.

Однако, когда путешественникъ спускается къ богатымъ лугамъ западной Сибири, когда онъ видитъ относительное благосостояніе и независимый характеръ сибирскаго крестьянина, и сравниваетъ ихъ съ бѣдностью и безропотной покорностью русскаго крестьянина; когда онъ узнаетъ гостепріимность сибиряковъ, которыхъ онъ принимаетъ за

„бывшихъ каторжниковъ“ и съ интеллегенціей сибирскихъ городовъ, а ссыльныхъ совсѣмъ не замѣчаетъ, и ничего не слышитъ о нихъ въ разговорахъ, касающихся всѣхъ безъ исключенія темъ, кромѣ этой; когда онъ слышитъ хвастливыя отповѣди восточныхъ янки, сухо говорящихъ иностранцу, что ссыльнымъ въ Сибири живется много лучше, чѣмъ крестьянамъ въ Россіи,—тогда онъ склоненъ допустить, что его прежнее представленіе о крупной сѣверной колоніи преступниковъ было сильно преувеличеннымъ, и что въ общемъ ссыльнымъ въ Сибири, быть можетъ, и не такъ скверно живется, какъ то изображается сентиментальными писателями.

Эту ошибку дѣлали многіе, посѣтившіе Сибирь, и не одни только иностранцы. Необходимо какое-нибудь случайное обстоятельство, — что-нибудь вродѣ встрѣчи съ партіей ссыльныхъ, идущихъ въ сопровожденіи конвоя по грязной дорогѣ во время осенней бури, или вродѣ польскаго возстанія на берегахъ озера Байкалъ, или по меньшей мѣрѣ такая встрѣча съ какимъ-нибудь ссыльнымъ въ Якутскихъ лѣсахъ, какъ та, которая случилась у Адольфа Эрмана и которую онъ такъ тепло описалъ въ своихъ *Путешествіяхъ,*—словомъ необходимо столкновеніе съ какимъ-нибудь случайнымъ, разительнымъ фактомъ, чтобы путешественникъ испыталъ толчокъ, необходимый для открытія истины среди оффиціальныхъ надувательствъ и неоффиціальнаго равнодушія; для того. чтобы глаза его открылись и передъ ними разверзлась та бездна страданій, которая скрыта въ этихъ трехъ словахъ: „ссылка въ Сибирь“. Тогда онъ узнаетъ, что кромѣ оффиціальной исторіи у Сибири есть еще другая, грустная исторія, черезъ которую, отъ покоренія Сибири вплоть до настоящаго времени, черной нитью проходятъ стоны ссыльныхъ. Тогда

онъ узнаетъ, что какъ ни мрачно общераспространенное представленіе о Сибири, оно все-же свѣтлѣе, чѣмъ ужасная голая правда; и что тѣ страшные разсказы, которые онъ слышалъ давно, въ дѣтствѣ, и которыя потомъ считалъ сказаніями о далекомъ прошломъ, на самомъ дѣлѣ являются изображеніемъ того, что происходитъ теперь, въ нашъ вѣкъ, когда столько пишутъ о началахъ гуманности, и такъ мало о нихъ заботятся.

Исторія, о которой я говорю, занимаетъ уже три столѣтія. Какъ только цари московскіе узнали, что ихъ бунтовщики казаки покорили новую область „за утесами“ (Ураломъ), они стали посылать туда толпы изгнанниковъ, приказывая имъ селиться вдоль рѣкъ и тропинокъ, соединявшихъ крѣпостцы. которыя воздвигались втеченіе 70 лѣтъ отъ источниковъ Камы до Охотскаго моря. Закованные въ цѣпи колонисты должны были начать отчаянную борьбу съ дикой природой, тамъ, гдѣ никто не сталъ бы селиться добровольно. Тѣхъ-же людей, которыхъ усиливающаяся царская власть считала самыми для себя опасными, мы находимъ вмѣстѣ съ наиболѣе продвинувшимися впередъ отрядами казаковъ, посланными „за горы, искать новыхъ земель“. Не было разстоянія, какъ бы оно ни было громадно, не было дикой мѣстности, какъ бы она ни казалась необитаема, которыя подозрительное боярское управленіе считало-бы достаточными преградами между такими ссыльными и столицей царства. И какъ только на самой границѣ царскихъ владѣній,—за сѣвернымъ поясомъ, въ тундрахъ по Оби, или за Даурскими горами,—воздвигалась новая крѣпость или выстраивался новый монастырь,—тамъ оказывались ссыльные и сами строили себѣ темницы, въ которыхъ имъ суждено было быть погребенными.

Даже въ настоящее время Сибирь, въ виду своихъ

крупныхъ горъ, густыхъ лѣсовъ, бурныхъ потоковъ и суроваго климата, является одной изъ самыхъ трудныхъ для переселенца странъ. Не трудно сообразить, что было 300 лѣтъ тому назадъ. Даже въ настоящее время это та часть Россійской Имперіи, гдѣ господствуетъ наиболѣе необузданный произволъ и грубость чиновниковъ. Что же въ такомъ случаѣ происходило въ этомъ отношеніи въ XVII вѣкѣ?! „Рѣка мелка; паромы тяжелые; начальники—нечестивцы, а палки у нихъ большія; плети ихъ рѣжутъ кожу, и пытки у нихъ жестокія: огонь да дыба; люди-же голодаютъ, и умираютъ, несчастные, сейчасъ-же послѣ пытки"— такъ писалъ протопопъ Аввакумъ, священникъ-фанатикъ старой вѣры, съ которымъ мы встрѣчаемся среди первыхъ отрядовъ, идущихъ завладѣть Амуромъ. „Какъ долго будетъ продолжаться эта пытка, Господи?" спрашиваетъ жена его, падая въ изнеможеніи на рѣчной ледъ, послѣ путешествія, продолжающагося уже пять лѣтъ.—„До нашей смерти, дорогая, всю жизнь", отвѣчаетъ этотъ предшественникъ стальныхъ характеровъ, намъ современныхъ; и оба, мужъ и жена, продолжаютъ свой путь туда. гдѣ протопопъ будетъ прикованъ къ стѣнѣ ледяного погреба, имъ самимъ вырытаго.

Съ начала XVII-го вѣка притокъ ссыльныхъ въ Сибирь никогда не прекращался. Въ началѣ столѣтія мы видимъ, какъ ссылаются въ Пелымъ жители Углича, вмѣстѣ со своимъ колоколомъ, который билъ набатъ, когда стало извѣстнымъ, что маленькій Димитрій убитъ по приказанію правителя Бориса Годунова. И у людей, и у колокола вырѣзываются языки и уши, и они заключаются въ деревушкѣ на окраинѣ тундры. Позднѣе за ними слѣдуютъ раскольники, возставшіе противъ аристократическихъ нововведеній, сдѣланныхъ Никономъ въ церковныхъ

лахъ. Тѣ, кто избѣжалъ погромовъ, подобныхъ „избіенію трехъ тысячъ“, идутъ заселять сибирскія пустыни. Вскорѣ за ними слѣдуютъ крѣпостные, сдѣлавшіе отчаянную попытку сбросить нелавно наложенное на нихъ ярмо; вожаки московской черни, возмутившейся противъ правленія бояръ; войско *стрѣльцовъ*, возставшихъ противъ всесокрущающаго деспотизма Петра I; Малороссы, которые борятся за свою самостоятельность и старыя установленія; всѣ тѣ народности, которыя не хотятъ подчиниться игу растущей мощи имперіи; поляки,—три большія и нѣсколько малыхъ толпъ поляковъ,—которые цѣлыми тысячами высылаются въ Сибирь послѣ каждой попытки возвратить себѣ независимость.., Затѣмъ всѣ тѣ, кого Россія опасается держать въ своихъ городахъ и селахъ: убійцы и простые бродяги, раскольники и бунтовщики; воры и нищіе, которымъ нечѣмъ заплатить за паспортъ. Крѣпостные, впавшіе въ немилость у своихъ господъ; а еще позже,—„свободные“ крестьяне, навлекшіе на себя гнѣвъ исправника, или неимѣющіе возможности уплачивать постоянно возрастающіе налоги; всѣ они идутъ умирать въ болотистыхъ низменностяхъ, въ густыхъ лѣсахъ, въ мрачныхъ рудникахъ. Этотъ притокъ продолжается по наше время, постоянно разростаясь въ угрожающей пропорціи. Въ началѣ текущаго [1]) столѣтія ежегодно ссылалось 7—8 тысячъ человѣкъ; теперь ссылается 18—19 тысячъ,—не говоря о тѣхъ годахъ, когда цифра эта возрастала вдвое, какъ то было послѣ польскаго возстанія,—что такимъ образомъ составляетъ общую цифру въ болѣе, чѣмъ 600.000 человѣкъ, перешедшихъ Ураль-

[1]) XIX-го.

скій хребетъ съ 1823 г., къ каковому времени относится первый отчетъ о ссылкѣ.

Изъ тѣхъ, кто вытерпѣлъ ужасы каторги и ссылки въ Сибири, лишь немногіе довѣрили бумагѣ свой горькій опытъ. Среди нихъ находится протопопъ Аввакумъ. и письма его до сихъ поръ подогрѣваютъ фанатизмъ раскольниковъ. Печальная исторія Меньшикова, Долгорукихъ, Бирона и другихъ высокопоставленныхъ ссыльныхъ, была передана потомству людьми, сочувствовавшими имъ. Нашъ молодой поэтъ-республиканецъ Рылѣевъ, повѣшенный въ 1827 г., изобразилъ въ прекрасной поэмѣ, „Войнаровскій", страданія одного малороссійскаго патріота. Нѣкоторые мемуары декабристовъ, сосланныхъ за возстаніе 26-го декабря 1825 г., и поэма Некрасова „Русскія женщины" до сихъ поръ внушаютъ молодымъ русскимъ сердцамъ любовь къ угнетеннымъ и ненависть къ угнетателямъ. Достоевскій, въ замѣчательномъ психологическомъ очеркѣ тюремной жизни, разсказалъ пережитое имъ въ Омской крѣпости послѣ 1848 г.; а нѣкоторые поляки описали мученичество своихъ друзей послѣ революцій 1831-го и 1848-го года;... Но что эти страданія въ сравненіи съ тѣми муками, которыя претерпѣло полмилліона народа съ того дня, какъ они начинали, прикованные къ желѣзнымъ прутьямъ, двухъ- или трехлѣтнее путешествіе изъ Москвы въ Забайкальскіе рудники, и до того момента. когда они, сломленые каторгой и лишеніями, умирали на разстояніи 7000 верстъ отъ своего родного села, въ странѣ, расположеніе и бытъ которой были столь же имъ чуждыми, какъ и населеніе ея,—раса сильная и умная, но эгоистическая!

Что такое страданія, претерпѣнныя немногими, въ сравненіи съ муками тысячъ людей, выносившихъ плети

Разгильдѣева, легендарнаго чудовища, имя котораго до сихъ поръ наводитъ ужасъ на Забайкальскія села, съ мученіями тѣхъ, кто, подобно поляку д-ру Чокальскому и его товарищамъ, умеръ подъ *семью тысячами* ударовъ розогъ за попытку бѣгства; съ мученіями тысячъ женщинъ, послѣдовавшихъ за своими мужьями, и находившихъ въ смерти избавленіе отъ жизни, полной голода, заботъ и униженій; со страданіями тѣхъ тысячъ людей, которыя ежегодно совершаютъ попытки бѣгства изъ Сибири и странствуютъ по дѣвственнымъ лѣсамъ, питаясь грибами и ягодами и ободряя себя надеждой увидѣть наконецъ снова родное село и близкихъ людей.

Кто описалъ менѣе бьющія въ глаза, но не менѣе трагическія мученія тѣхъ тысячъ людей, которые влачатъ безцѣльное существованіе въ деревушкахъ сѣвера, и оканчиваютъ свою горькую жизнь, бросаясь въ свѣтлыя воды Енисея? Въ своей книгѣ о *Каторгѣ и Ссылкѣ* Максимовъ попытался приподнять уголокъ завѣсы, скрывающей эти страданія; но онъ показалъ лишь малую долю этой мрачной картины. Въ цѣломъ, она до сихъ поръ была и по всей вѣроятности останется неизвѣстной; самыя черты ея съ теченіемъ времени сглаживаются, оставляя лишь легкій слѣдъ въ народныхъ сказаніяхъ и пѣсняхъ ссыльныхъ; и каждое десятилѣтіе вноситъ новыя черты, новые виды бѣдствій для постоянно растущаго числа ссыльныхъ.

Понятно, я не буду и пробовать обрисовать всю эту картину въ тѣсныхъ рамкахъ журнальной статьи. Я по необходимости долженъ ограничить свой трудъ описаніемъ ссылки такой, какова она въ настоящее время,—скажемъ, втеченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. За это короткое время въ Сибирь было сослано не менѣе 165 тысячъ человѣческихъ существъ, это была-бы, безусловно; очень высокая

цифра преступности для 72-хъ милліоннаго населенія, будь всѣ ссыльные „преступниками". Однако, меньше половины ихъ пересѣкло Уралъ во исполненіе судебнаго приговора. Остальные были закинуты въ Сибирь, не видавъ въ глаза никакихъ судей, простыми приказами администраціи, или на основаніи приговоровъ, постановленныхъ сельскими обществами,—почти всегда подъ давленіемъ всемогущихъ мѣстныхъ властей. Изъ 151.184 ссыльныхъ, перешедшихъ Уралъ за 1867—1876 г.г., къ этой послѣдней категоріи принадлежало не менѣе 78.676 человѣкъ. Остальные были осуждены судами: 18.582 къ каторгѣ, а 54.316—къ поселенію въ Сибири, большей части на всю жизнь, съ потерей всѣхъ гражданскихъ правъ или съ сохраненіемъ ихъ [1]).

[1]) Наша уголовная статитистика насколько несовершенна, что произвести полную классификацію ссыльныхъ очень трудно. По этому предмету у насъ существуетъ только одинъ основательный трудъ, принадлежащій г-ну Анучину, изданный нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Русскимъ Географическимъ Обществомъ и увѣнчанный большой золотой медалью послѣдняго; онъ даетъ уголовную статистику за 1827—1846 г.г. Хотя эти статистическія свѣдѣнія и устарѣли, они все-же даютъ приблизительное представленіе о настоящемъ положеніи, т. к. болѣе новыя частичныя статистическія данныя показываютъ, что съ того времени всѣ цифры удвоились, но относительная пропорція между разными категоріями ссыльныхъ осталась почти безъ измѣненія. Такъ, чтобы привести лишь одинъ примѣръ, изъ 159.755 сосланныхъ за 1827—1846 г.г. не менѣе 79.909, т. е. 50%, были высланы простыми приказами администраціи; а черезъ 30 лѣтъ мы находимъ опять приблизительно ту-же, слегка лишь возросшую, долю сосланныхъ по произволу (78.686 изъ 151.184 съ 1867 по 1876 г.). То-же самое почти совершенно вѣрно и относительно другихъ категорій ссыльныхъ. Изъ изысканій Анучина явствуетъ, что изъ 79.846 человѣкъ, осужденныхъ судами, 14.531 (725 въ годъ) были осуждены за убійство; 14.248 за болѣе тяжкія преступленія, какъ поджигательство, грабежъ и подлогъ; 40.666 за воровство

Двадцать лѣтъ тому назадъ ссыльные проходили все разстояніе отъ Москвы до того мѣста, куда они отправлялись, пѣшкомъ. Такимъ образомъ имъ приходилось совершать пѣшкомъ около 7000 верстъ, чтобы достичь каторжныхъ поселеній въ Забайкальи, и 8000 верстъ до Якутска. Путешествіе продолжалось въ первомъ случаѣ

и 1.426 за промыселъ контрабандой, что въ общемъ составляетъ 70.871 такихъ случаевъ (около 3.545 въ годъ), которые подлежать наказанію по законамъ всѣхъ Европейскихъ странъ,—хотя присяжные, быть можетъ, и не всѣхъ ихъ осудили бы. Остальные-же (т. е. около 89.000 чел.) были сосланы за такіе проступки, которые преимущественно, если не цѣликомъ, проистекали изъ политическихъ условій Россіи; ихъ преступленія были: бунтъ противъ помѣщиковъ-крѣпостниковъ и властей (16.456 случаевъ), раскольничій фанатизмъ (2.138 случаевъ), уклоненіе отъ 25-ти лѣтней военной службы (1.651 случай); и бѣгство изъ Сибири, главнымъ образомъ изъ административной ссылки (18.328 случаевъ). Наконецъ, мы находимъ тутъ-же колоссальную цифру 48.466 «бродягъ», о которыхъ лауреатъ Географическаго Общества пишетъ слѣдующее: «Бродяжничество» по большей части означаетъ просто выѣздъ въ сосѣднюю губернію безъ паспорта», потому что изъ 48.466 «бродягъ» 40 тысячъ по крайней мѣрѣ «являются просто людьми, нарушившими уставъ о видахъ на жительство» (то есть, бѣдняками, жены и дѣти которыхъ доведены до голода, у которыхъ нѣтъ 5 или десяти рублей, нужныхъ на полученіе паспорта, и которые ходятъ изъ Калуги или Тулы въ Одессу или Астрахань въ поискахъ работы). Къ этому онъ прибавляетъ: «что касается до 80.000 административно-высланныхъ, мы не только сомнѣваемся въ ихъ виновности; мы сомнѣваемся въ самомъ существованіи преступленій, имъ приписанныхъ». Цифра подобныхъ «преступниковъ» съ тѣхъ поръ не понизилась; она почти удвоилась, какъ и остальныя цифры. Россія продолжаетъ ссылать въ Сибирь на всю жизнь ежегодно четыре или пять тысячъ человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, которыхъ въ другихъ государствахъ приговорили бы только уплатѣ штрафа въ нѣсколько рублей. Къ этимъ «преступникамъ» надо прибавить еще не менѣе 1.500 женщинъ и 2.000—2.500 дѣтей, ежегодно слѣдующихъ въ Сибирь за своими мужьями или отцами, и претерпѣвающихъ всѣ ужасы путешествія по Сибири и жизни въ ссылкѣ.

около двухъ лѣтъ, во второмъ—два съ половиной года. Съ тѣхъ поръ были введены нѣкоторыя улучшенія. Въ настоящее время, послѣ того какъ ссыльные собраны со всѣхъ концовъ Россіи въ Москву, или въ Нижній-Новгородъ, они перевозятся нароходомъ до Перми, оттуда въ Екатеринбургъ по желѣзной дорогрѣ, далѣе до Тюмени на лошадяхъ и оттуда до Томска снова на пароходѣ. Такимъ образомъ имъ приходится, какъ говоритъ одна новая англійская книга о ссылкѣ въ Сибирь, идти пѣшкомъ *„только* разстояніе за Томскомъ". Простыя цифры опредѣляютъ это пустяшное разстояніе до Кары въ 3.100 верстъ, т. е. около девяти мѣсяцевъ пути пѣшкомъ. Если осужденный посылается въ Якутскъ, ему приходится, пройтн, „только" 4.500 верстъ, а такъ какъ русское правительство надумало, что Якутскъ все таки слишкомъ близокъ къ С.-Петербургу, чтобы въ немъ содержать этихъ политическихъ ссыльныхъ, и посылаетъ ихъ теперь въ Верхоянскъ и въ Нижне-Колымскъ, (недалеко отъ мѣста зимовки Норденшильда), то къ указанному „пустяшному" разстоянію надо прибавить еще еще около 2.250 верстъ, и опять получается вновь возстановленная волшебная цифра 7.000 верстъ,—т. е. двухлѣтнее путешествіе пѣшкомъ.

Однако для большинства ссыльныхъ путешествіе пѣшкомъ было сокращено вдвое, и начинаютъ они свои странствія по Сибири въ особыхъ повозкахъ. Максимовъ очень живо описалъ, какъ осужденные въ Иркутскѣ, которымъ предложено было высказать свое мнѣніе о такомъ способѣ передвиженія, единогласно заявили, что это—самая несуразая повозка, какая тольо могла быть изобрѣтена съ цѣлью мучить и осужденныхъ, и лошадей. Такія-то повозки, не имѣющія никакихъ приспособленій для ослабленія толчковъ, медленно двигаются по ухабистой, тряской дорогѣ,

изборожденной тысячами тяжело нагруженныхъ телѣгъ. Въ Западной Сибири, среди болотъ восточнаго склона Урала, путешествіе становится истинной пыткой, т. к. большая дорога покрыта валяющимся бревнами, которыя напоминаютъ вамъ ощущеніе, испытываемое, когда проводятъ пальцемъ по клавишамъ фортепіана, задѣвая и черныя. Путешествіе тяжело даже для путешественника, лежащаго на толстой войлочной подстилкѣ въ удобномъ тарантасѣ; легко понять, что испытываетъ осужденный, который долженъ сидѣть неподвижно на скамьѣ пресловутой повозки восемь, а то и десять часовъ подрядъ, не имѣя на случай дождя или снѣга никакой иной защиты, кромѣ кое-какихъ лохмотьевъ.

Къ счастью, подобное путешествіе продолжается всего нѣсколько дней, т. к. въ Тюмени ссыльные сажаются на спеціальныя баржи, или плавучія тюрьмы, которыя берутся на буксиръ пароходами и въ 8—10 дней привозятся въ Томскъ. Едва-ли мнѣ надо говорить о томъ, что какъ ни прекрасна мысль сократить такимъ образомъ вдвое длинный путь по Сибири, частичное осуществленіе этой мысли далеко не совершенно. Баржи для осужденныхъ обыкновенно такъ переполнены и такъ грязно содержатся, что стали настоящими разсадниками заразы. „Каждая баржа при постройкѣ предназначалась для перевозки 800 осужденныхъ и конвоя“, писалъ томскій корреспондентъ *Московскаго Телеграфа* 15-го Ноября 1881 г.; „но при изчисленіи размѣровъ баржъ сообразовались не съ необходимымъ кубическимъ пространствомъ, а съ интересами собственниковъ пароходовъ, господъ Курбатова и Игнатова. Эти господа занимаютъ для своихъ собственныхъ нуждъ два отдѣленія, разсчитанныхъ на 100 человѣкъ каждое, и поэтому 800 человѣкамъ приходится занимать мѣсто, пред-

назначенное всего для 600. Вентиляція очень скверная, т. к. никакихъ приспособленій для нея не существуетъ, и помѣщенія страшно грязны". Онъ добавляетъ, что „смертность на этихъ баржахъ очень высока, особенно среди дѣтей", и его свѣдѣнія вполнѣ подтверждаются оффиціальными цифрами, напечатанными въ прошломъ году во всѣхъ газетахъ. Изъ этихъ цифръ явствуетъ, что въ теченіе десятидневнаго путешествія на этихъ баржахъ умерло отъ 8 до 10% пассажировъ—осужденныхъ, т. е. около 60—80 человѣкъ изъ 800.

„Тамъ, пишутъ наши друзья, продѣлавшіе этотъ переходъ, вы видите царство смерти. Дифтеритъ и тифъ безжалостно косятъ жизни взрослыхъ и дѣтей, особенно послѣднихъ. Дѣтскіе трупы выбрасываются почти при каждой остановкѣ. Больница, надзоръ за которой ввѣренъ невѣжественному солдату, всегда переполнена".

Въ Томскѣ осужденные на нѣсколько дней останавливаются. Часть ихъ, главнымъ образомъ уголовные ссыльные, слѣдующіе на основаніи приказовъ администраціи,—посылается въ какой-нибудь уѣздъ Томской губерніи, простирающейся отъ вершинъ Алтайскаго хребта на югѣ до Сѣвернаго океана на сѣверѣ. Другихъ отправляютъ дальше на востокъ. Не трудно представить себѣ, какимъ адомъ дѣлается Томская тюрьма, когда прибывающіе еженедѣльно осужденные не могутъ быть отправляемы въ Иркутскъ въ недѣльные-же промежутки изъ-за распутицы или какого-нибудь препятствія на рѣкахъ. Тюрьма построена на 960 заключенныхъ, а содержится въ ней всегда не меньше 1300—1400, а очень часто и 2,200 и больше. Четвертая часть заключенныхъ—больные, но больница можетъ дать пріютъ только около трети тѣхъ, кто въ ней нуждается; въ виду этого больные остаются въ тѣхъ-же самыхъ по-

мѣщеніяхъ, на тѣхъ-же самыхъ нарахъ (или подъ ними), гдѣ остальные заключеные скучены въ числѣ трехъ на каждое свободное мѣсто. Стоны больныхъ, крики страждущихъ, которыхъ бьетъ лихорадка, хрипѣніе умирающихъ, мѣшается съ шутками и смѣхомъ заключенныхъ и съ руганью тюремщиковъ. Испаренія этой человѣческой толпы мѣшаются съ запахомъ ихъ мокрой и грязной одежды и вонью, исходящей изъ ужасныхъ *парашекъ*. „Когда вы входите въ помѣщеніе, вы задыхаетесь; вы чувствуете, что теряете сознаніе и должны выбѣжать назадъ, чтобы вдохнуть свѣжаго воздуха. Вы должны мало-по-малу пріучить себя къ ужасной вони испареній, которыя какъ туманъ стянятся по рѣкѣ“—таково свидѣтельство тѣхъ, кто безъ приготовленій входилъ въ какую нибудь Сибирскую тюрьму. „Семейныя камеры“ еще того ужаснѣе. „Въ нихъ, говоритъ одинъ сибирскій чиновникъ, служащій при тюрьмахъ,—Мишло,—вы видите сотни тѣсно скученныхъ въ одно мѣсто женщинъ и дѣтей, въ такой нищетѣ, какую не представитъ себѣ никакое воображеніе“. Семьи заключенныхъ не получаютъ отъ казны никакой одежды; большинство женщинъ—крестьянки, у которыхъ обыкновенно никогда не бываетъ больще одного платья заразъ; почти всѣ онѣ стали голодать, какъ только ихъ мужья были взяты подъ стражу, и надѣли свое единственное платье передъ началомъ путешествія, въ Архангельскѣ или Астрахани, и послѣ долгихъ странствій отъ одной тюрьмы къ другой, послѣ многихъ лѣтъ предварительнаго заключенія и мѣсяцами длящагося путешествія, отъ ихъ изношенной непогодой одежды остались на плечахъ одни лохмотья. Когда онѣ сидятъ на грязномъ полу и ѣдятъ черствый хлѣбъ, полученный отъ мягкосердечныхъ крестьянъ, изъ подъ обратившагося въ лоскутья платья видно голое, из-

мождениое тѣло и израненныя ноги. Въ кишащей кучѣ человѣческихъ существъ, покрывающихъ каждый квадратный футъ поверхности на нарахъ и подъ ними, вы замѣчаете на колѣняхъ матери умирающее дитя, и тутъ-же рядомъ—ея новорожденнаго младенца. Послѣднiй составляетъ радость и утѣшенiе этихъ женщинъ, у каждой изъ которыхъ навѣрное больше человѣческихъ чувствъ, нежели у любого изъ начальниковъ и сторожей. Его передаютъ изъ рукъ въ руки; женщины разстаются съ лучшими своими лохмотьями, чтобы укрыть его дрожащiе члены; ему достаются нѣжнѣйшiя ласки... Какъ много дѣтей выросло въ такой обстановкѣ! Одна изъ такихъ стоитъ рядомъ со мной, въ то время какъ я пишу эти строки, и пересказываетъ мнѣ разсказы, которыя она столько разъ слышала отъ матери, о человѣчности „преступниковъ“ и о гнусности ихъ „начальства“. Она описываетъ мнѣ игрушки, которыя дѣлали для нея осужденные въ теченiе безконечнаго путешествiя,—простыя игрушки, придуманныя добродушнымъ остроумiемъ,—и рядомъ съ этимъ—безсовѣстные поступки, вымоганiе денегъ, ругательства и удары, свистъ плетей начальниковъ.

Однако, по мѣрѣ того, какъ партiи осужденныхъ уходятъ продолжать свой путь, тюрьма мало по малу очищается. Когда время года и состоянiе рѣкъ это допускаютъ, изъ Томской тюрьмы еженедѣльно выходятъ выходятъ партiи въ 500 осужденныхъ каждая, съ женщинами и дѣтьми, и начинаютъ свое путешествiе пѣшкомъ въ Иркутскъ и въ Забайкалье. Кто видѣлъ такую партiю въ пути, никогда не забудетъ этого зрѣлища. Одинъ русскiй художникъ, В. И. Якоби, попытался изобразить его не холстѣ; картина его наводитъ ужасъ, но дѣйствительность еще ужаснѣе.

Вы видите передъ собой болотистую равнину, гдѣ свободно гуляетъ ледяной вѣтеръ, крутя снѣжныя хлопья, которыя начинаютъ покрывать замерзшую землю. Кругомъ все пространство, котсрое только можетъ охватить око,— лишь болото, покрытое мелкорослымъ кустарникомъ и кривыми деревцами, которыя гнетъ къ землѣ снѣжный вѣтеръ; до ближайщей деревушки не меньше 30 верстъ. На горизонтѣ въ туманѣ возвышаются низкіе холмы, покрытые густымъ сосновымъ лѣсомъ, тонущіе въ сѣрыхъ снѣжныхъ тучахъ. По голой равнинѣ тянется колея, обозначенная во всю свою длину вѣхами, чтобы можно было различить ее среди окружающей ее равнины, изрытая и изборожденная тысячами проѣхавшихъ по ней телѣгъ, покрытая ухабами, которые ломаютъ самыя крѣпкія колеса. По этой дорогѣ медленно двигается партія. Во главѣ ея открываетъ шествіе отрядъ солдатъ. За ними съ трудомъ двигаются осужденные на каторгу, съ наполовину обритыми головами, въ сѣрой одеждѣ, съ желтымъ бубновымъ тузомъ на спинѣ, въ дырявыхъ сапогахъ износившихся въ длинномъ пути и открывающихъ на показъ лохмотья, въ которыя завернуты израненныя ноги. Каждый каторжникъ тащитъ за собой цѣпь, прикованную къ его щиколодкѣ; кольца этой цѣпи завернуты въ отрепья,—если только каторжникъ за время пути собралъ достаточно милостыни, и оказался въ состояніи заплатить кузнецу, чтобы послѣдній посвободнѣе приковалъ цѣпь къ его ногамъ. Цѣпь идетъ вверхъ по обѣимъ ногамъ и прикрѣплена къ поясу. Другая цѣпь крѣпко стягиваетъ обѣ руки, третья соединяетъ вмѣстѣ шесть или восемь каторжниковъ. Каждое неосторожное движеніе одного изъ такой кучки отзывается на скованныхъ вмѣстѣ съ нимъ товарищахъ; слабѣйшаго тянетъ впередъ болѣе крѣпкій, и не даетъ ему останавливаться: путь,—*этапъ,* длиненъ, а осенній день коротокъ.

За каторжниками шагаютъ *поселенцы*, (приговоренные къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь), въ такой же сѣрой одеждѣ и такой же обуви. Партію съ обѣихъ сторонъ сопровождаютъ солдаты, обдумывая, быть можетъ, данное имъ при отправленіи приказаніе: „Если кто-нибудь изъ нихъ попробуетъ бѣжать, стрѣляй въ него. Убьешь, получишь пять рублей вознагражденья, а собакѣ собачья и смерть!“ Въ концѣ шествія замѣчаете вы нѣсколько телѣгъ, везомыхъ малорослыми, изнуренными крестьянскими лошаденками, похожими на собакъ. Онѣ нагружены поклажей осужденныхъ, больными и умирающими, которые привязаны веревками наверху груза.

За телѣгами спѣшатъ жены осужденныхъ; иныя отыскали себѣ свободный уголокъ на нагруженной телѣгѣ, и присаживаются туда, когда не въ силахъ идти дальше; но большинство идетъ пѣшкомъ за телѣгами, ведя своихъ дѣтей за руку или неся ихъ на рукахъ. Какъ много среди нихъ, одѣтыхъ въ лохмотья, мерзнущихъ подъ порывами холоднаго вѣтра, рѣжущихъ себѣ почти босыя ноги объ замерзшіе ухабы, повторяютъ слова жены Аввакума: „Боже мой, какъ долго будутъ продолжаться эти муки?“ За ними идетъ второй отрядъ солдатъ; послѣдніе толкаютъ прикладами ружей тѣхъ женщинъ, которыя останавливаются въ изнеможеніи среди обледенѣлой грязи на дорогѣ. Шествіе заключаетъ повозка начальника партіи [1]).

---

[1]) По русскому закону семьи осужденныхъ не подчинены надзору конвоя. На дѣлѣ они подвергаются тому же обращенію, что и заключенные. Вотъ примѣръ. Томскій корреспондентъ *Московскаго Телеграфа* писалъ 3 ноября 1881 г.: «Мы видѣли въ пути партію, вышедшую изъ Томска 14-го сентября. Изнемогающія женщины и дѣти буквально увязали въ грязи, а солдаты раздавали имъ удары, заставляя ихъ двигаться и не отставать отъ партіи».

Когда партія входитъ въ какую-нибудь большую деревню, она начинаетъ пѣть *Милосердную*. Она называется пѣсней, но врядъ-ли ее можно считать таковою. Это—рядъ стоновъ, вырывающихся заразъ изъ сотенъ грудей, разсказъ, въ самыхъ простыхъ словахъ, съ дѣтской простотой изображающій печальную участь осужденнаго, — ужасная жалоба, при помощи которой русскій ссыльный взываетъ къ милосердію другихъ, подобныхъ ему, бѣдняковъ. Въ этихъ разсказахъ и стонахъ слышатся вѣковыя страданія, бѣдствія и нужда, которыя сломили большую часть жизненныхъ силъ нашего народа. Эти звуки, полные глубокой тоски, напоминаютъ пытки прошлаго вѣка, подавленные стоны, издаваемые подъ ударами кнута и плетей въ наше время, мрачныя подземелья, дикіе лѣса, слезы голодающихъ женъ. Крестьяне деревень на большихъ дорогахъ въ Сибири понимаютъ эти звуки; они знаютъ по собственному опыту ихъ истинное значеніе, и воззваніе *несчастныхъ страдальцевъ*, какъ называетъ нашъ народъ всѣхъ узниковъ, находитъ откликъ у бѣдняка; самая неимущая вдова, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, несетъ свои гроши и свой кусокъ хлѣба и низко кланяется закованному „страдальцу", благодаря его за то, что онъ не пренебрегаетъ ея скуднымъ приношеніемъ. Поздно вечеромъ, сдѣлавъ 25—30 верстъ пути, партія добирается до *этапа*, гдѣ она проводитъ ночь и каждые три дня имѣетъ однодневный отдыхъ. Какъ только партія завидитъ заборъ, заключающій въ себѣ старое деревянное зданіе, она ускоряетъ шагъ, и болѣе сильные бѣгомъ бѣгутъ, чтобы силой занять лучшія мѣста на нарахъ. Этапы были построены большей частью пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и послѣ столь долгой борьбы съ непогодой, послѣ того, какъ въ нихъ перебывали тысячи осужденныхъ, они въ настояще

время стали гнилыми и грязными съ крыши до основанія. Старое деревянное зданіе плохо укрываетъ закованныхъ странниковъ, приводимыхъ подъ его кровъ, и вѣтеръ и снѣгъ безпрепятственно проникаютъ въ щели между сгнившими бревнами; въ углахъ комнатъ лежатъ кучи снѣга. Этапъ по разсчетамъ строителей долженъ былъ укрывать 150 осужденныхъ; ибо такова была средняя численность партіи 30 лѣтъ тому назадъ. Теперь партіи состоятъ изъ 450 — 500 человѣкъ, и эти 500 человѣкъ должны помѣщаться въ пространство, скупо разсчитанное на 150 [1]).

Сильнѣйшіе или аристократія осужденныхъ, — старые бродяги и крупные убійцы — занимаютъ каждый квадратный дюймъ наръ; остальные,—т. е. вдвое большее число, ложатся на гнилой полъ, на цѣлый дюймъ покрытый липкой грязью, подъ нарами и въ промежуткахъ между ними. Легко представить себѣ, во что превращается помѣщеніе, когда двери его запираются и все оно наполнено человѣческими существами, которые лежатъ голые на своихъ грязныхъ одеждахъ, пропитанныхъ водой.

Между тѣмъ, этапы—еще дворцы въ сравненіи съ *полуэтапами*, гдѣ партіи проводятъ только одну ночь. Эти зданія еще меньше, и обыкновенно еще болѣе развалились, еще болѣе гнилы и грязны. Иногда состояніе ихъ таково; что партіи приходится проводить морозныя сибирскія ночи въ легкихъ баракахъ, построенныхъ на дворѣ, и безъ огня.

---

1) Русскіе законы, которые большей частью писались безъ всякихъ свѣдѣній о дѣйствительныхъ условіяхъ того, чего они касаются, запрещаютъ посылать такія многолюдныя партіи. Но на дѣлѣ въ партіи обыкновенно насчитывается въ настоящее время 480 душъ. По свѣдѣніямъ *Голоса*, въ 1881 г. 6,507 осужденныхъ было отослано въ 16-ти партіяхъ, что даетъ въ среднемъ 406 осужденныхъ на партію. Н. Лопатинъ даетъ намъ цифру 480 человѣкъ, какъ обычную численность партій.

Въ полуэтапахъ обыкновенно нѣтъ особаго отдѣленія для женщинъ, и послѣднимъ приходится помѣщаться въ комнатѣ солдатъ (см. Максимовъ, *Сибирь*). Съ покорностью, свойственной нашимъ многотерпѣливымъ русскимъ матерямъ, онѣ пристраиваются со своими ребятками, укрывшись лохмотьями, въ какомъ-нибудь уголку помѣщенія, подъ нарами или у самыхъ дверей, между ружьями конвоя.

Немудрено, что согласно оффиціальной статистикѣ изъ 2561 дѣтей въ возрастѣ менѣе 15-ти лѣтъ, высланныхъ въ 1881 году въ Сибирь вмѣстѣ съ родителями, „*выжила лишь небольшая доля*". „Большинство, говорить *Голосъ*, не могло вынести отвратительныхъ условій путешествія, и умерло, не дошедши до мѣста своего назначенія въ Сибири или немедленно по приходѣ туда". По правдѣ говоря, перевозка въ Сибирь, какъ она производится въ настоящее время, является настоящимъ „избіеніемъ младенцевъ".

Надо-ли добавлять, что никакихъ приспособленій для больныхъ не существуетъ, и что нужно пользоваться исключительно крѣпкимъ здоровьемъ, чтобы пережить болѣзнь во время пути? На всемъ протяженіи отъ Томска до Иркутска, т. е. на разстояніи по крайней мѣрѣ четырехъ мѣсяцевъ пути, имѣется только пять небольшихъ больницъ, въ общемъ на 100 кроватей. О тѣхъ же, которые не въ силахъ выдержать до того момента, когда партія прійдетъ къ больницѣ, *Голосъ* 5-го января 1881 года пишетъ: „Ихъ оставляютъ на этапахъ безъ всякой медицинской помощи. Комната для больныхъ не снабжена ни кроватями, ни постелями, ни подушками, ни одѣялами, ни, разумѣется, ничѣмъ изъ бѣлья. Тѣ 48½ копѣекъ въ день,

которыя отпускаются на больныхъ, по большей части цѣликомъ остаются въ рукахъ властей".

Надо-ли мнѣ останавливаться на вымогательствѣ, которое осужденные, несмотря на страшную свою нищету, терпятъ отъ смотрителей этаповъ? Не достаточно-ли будетъ сказать, что смотрители этихъ зданій получаютъ отъ казны, кромѣ извѣстнаго количества ржаной муки для чернаго хлѣба, только *три рубля въ годъ?* „Печи не въ порядкѣ, нельзя вамъ развести огонь", говоритъ одинъ изъ нихъ партіи, которая приходитъ совсѣмъ промокшая или замерзшая; и она платитъ дань за разрѣшеніе затопить. „Окна нынче ремонтируются" — и партія платитъ, чтобы получить какія-нибудь лоскутья для заполненія отверстій, черезъ которыя безпрепятственно продуваетъ ледяной вѣтеръ. „Вымойте этапъ передъ уходомъ, или дайте столько-то", — и партія опять платитъ, и т. д., и т. д. Буду-ли я говорить также о томъ, какому обращенію подвергаются осужденные и ихъ семьи во время путешествія? Даже политическіе ссыльные однажды, въ 1881-мъ году, взбунтовались противъ одного офицера, который позволилъ себѣ напасть въ темномъ корридорѣ на даму, высланную въ Сибирь за политическое преступленіе. А съ уголовными ссыльными обращаются несомнѣнно не лучше, чѣмъ съ политическими.

Все это—не повѣствованія о прошломъ. Это — точное изображеніе того, что происходитъ въ настоящее время, когда я пишу эти строки [1]). Мой другъ Н. Лопатинъ, который совершилъ это самое путешествіе два года тому назадъ и которому я показалъ эти странички, вполнѣ подтверждаетъ все вышесказанное, и дополняетъ его многими фактами, которыхъ я не помѣщаю только за недостаткомъ

[1]) Въ 1883 г.

мѣста. Что въ самомъ дѣлѣ относится къ прошлому,—но весьма близкому,—это сковываніе вмѣстѣ восьми или десяти осужденныхъ. Эта ужасная мѣра, какъ бы то ни было, была упразднена въ январѣ 1881 г. Въ настоящее время у каждаго осужденнаго руки скованы отдѣльно отъ товарищей. Но все-же цѣпь такъ коротка, что придаваемое ею рукамъ положеніе дѣлаетъ очень тяжелымъ десяти- или двѣнадцати часовой путь пѣшкомъ, не говоря уже о невыносимыхъ ревматическихъ боляхъ, появляющихся въ костяхъ, какъ слѣдствіе соприкосновенія ихъ съ желѣзными кольцами во время суровыхъ сибирскихъ морозовъ. Мнѣ передавали и я вполнѣ готовъ повѣрить, что эти боли скоро превращаются въ настоящую пытку.

Врядъ-ли надо добавлять что, наперекоръ утвержденіямъ одного англійскаго путешественника, недавно посѣтившаго Сибирь, политическіе осужденные совершаютъ путь до Кары или до тѣхъ мѣстностей, гдѣ имъ предназначено жить въ качествѣ *поселенцевъ*, въ точно тѣхъ же условіяхъ, что и уголовные, и вмѣстѣ съ послѣдними. Одинъ тотъ фактъ, что Избицкій и Дебагоріо-Мокревичъ помѣнялись именами съ двумя уголовными осужденными и такимъ способомъ бѣжали съ каторги, доказываетъ, что свѣдѣнія англійскаго путешественника не соотвѣтствуютъ истинѣ. Николай Лопатинъ, о которомъ я уже упоминалъ и который былъ осужденъ на поселеніе въ Сибири, совершилъ путь пѣшкомъ въ обществѣ около дюжины товарищей. Правда, большое число польскихъ ссыльныхъ 1864 года, а именно всѣ дворяне и самые важные осужденные, были перевезены въ экипажахъ, на почтовыхъ лошадяхъ. Многочисленные политическіе ссыльные, высылаемые въ Сибирь по приказамъ администраціи, тоже совершаютъ путь такимъ способомъ,—тамъ, гдѣ почтовыя лошади имѣются.

Но большей частью политическіе осужденные (приговоренные судами къ каторгѣ или ссылкѣ) совершали съ 1866 года путь пѣшкомъ, наряду съ уголовными. Исключеніе было сдѣлано въ 1877—1879 г.г. для тѣхъ немногихъ, кто былъ переслань въ Восточную Сибирь втеченіе этихъ трехъ лѣтъ. Ихъ везли въ кибиткахъ, но не уклоняясь отъ линіи этаповъ. Съ 1879-го-же года всѣ политическіе осужденные, безъ различія пола, и многіе изъ высланныхъ въ административномъ порядкѣ, совершили свой путь именно такъ, какъ мною разсказано, а многіе изъ нихъ еще и въ цѣпяхъ, наперекоръ закону 1827 г,

Когда Максимовъ писалъ свой трудъ о *Каторгѣ и Ссылкѣ*, онъ заключилъ его пожеланіемъ, чтобы ужасы описаннаго имъ путешествія пѣшкомъ какъ можно скорѣе стали достояніемъ исторіи. Тогда только-что была введена перевозка осужденныхъ на баржахъ, и благодаря этой мѣрѣ государство за первый-же годъ сберегло 400 тысячъ рублей. Министерство юстиціи въ то время настоятельно приглашало всѣхъ честныхъ людей разсказать о ссылкѣ все, что имъ извѣстно, и изъявляло свою готовность предпринять полное преобразованіе всей системы. Въ людяхъ, готовыхъ посвятить свою жизнь на улучшеніе печальной судьбы ссыльныхъ и на то, чтобы стереть навсегда изъ нашей исторіи мрачныя воспоминанія о ссылкѣ въ Сибирь, въ такихъ людяхъ недостатка не было. Но пожеланіе Максимова не осуществилось. Либеральное движеніе 1861 г. было подавлено правительствомъ; на попытки реформъ смотрѣли, какъ на „опасныя стремленія", и перевозка въ Сибирь ссыльныхъ осталась тѣмъ, чѣмъ она была двадцать лѣтъ назадъ,— источникомъ неописуемыхъ страданій для около 20 тысячъ народу.

Постыдная система, заклеймленная въ то время всѣми,

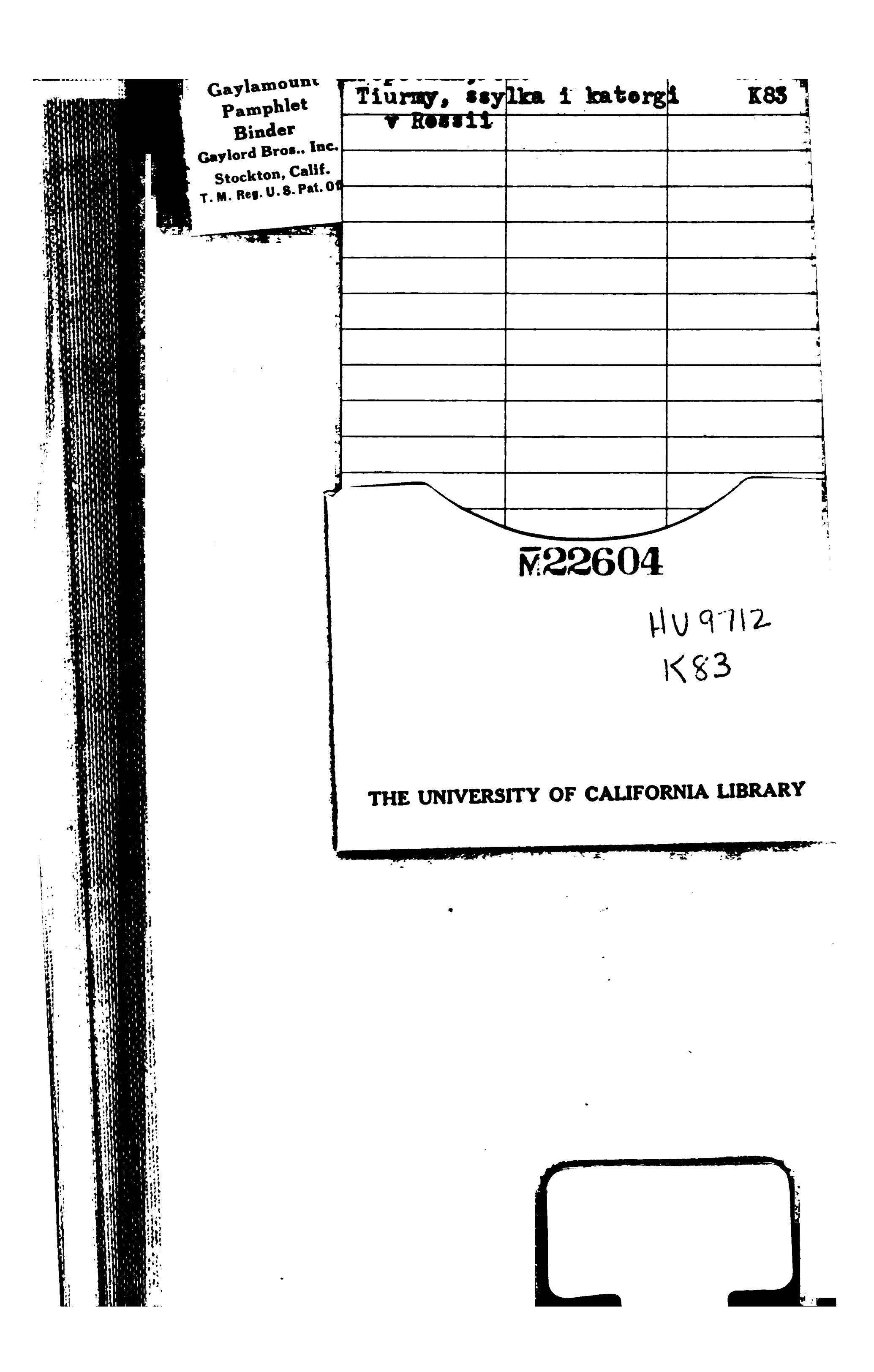
кто только знакомился съ нею, была сохранена полностью; и въ то время, какъ сгнившія зданія на большой дорогѣ разваливаются въ куски и вся система все болѣе и болѣе разлагается, новыя тысячи мужчинъ и женщинъ, ссылаемыхъ за такія преступленія, „самое существованіе которыхъ“ вызывало сомнѣнія двадцать лѣтъ тому назадъ, прибавляются ежегодно къ тысячнымъ толпамъ, ранѣе того сосланнымъ въ Сибирь,—и число этихъ ново-ссылаемыхъ каждый годъ растетъ въ ужасающей пропорціи.

Оглавленіе.

	Стр.
Русскія тюрьмы	3
Ссыльная Россія	37

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ:

П. А. Крапоткинъ. *Ссылка въ Сибирь.* ц. 15 к.

Gaylamount
Pamphlet
Binder
Gaylord Bros.. Inc.
Stockton, Calif.
T. M. Reg. U. S. Pat. Off
Tiurmy, ssylka i katorgi K83
v Rossii
M22604
HU9712
K83
THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY